

Мертвым не мстят, или Шутка

Автор:

[Наталья Андреева](#)

Мертвым не мстят, или Шутка

Наталья Вячеславовна Андреева

Людочка Сальникова с детства любила зло пошутить. И никто ее не одергивал. Ни учителя, ни одноклассники, ни друзья папы. Еще бы, ведь он занимал высокий пост. И когда выросла, продолжала шутить над знакомыми и сослуживцами. Над мужем шутила редко, больно Тимур был красив и загадочен. Сладкая жизнь в одночасье закончилась! Людочка поехала с Тимуром на Кавказ. Она отправилась кататься на лыжах одна и чуть не угодила в лавину. Людочка замыслила наказать мужа. Пусть думает, будто она погибла! Она добралась до Москвы, а там узнала, что у мужа давно уже есть любовница. Людочка решила воскреснуть позже, на своих похоронах, благо она изменила внешность. Но там услышала о себе одни гадости от мачехи, от сослуживцев, даже отец доброго слова не сказал. Ничего, она им всем отомстит! И еще как! Ведь покойницу никто ни в чем не заподозрит! И месть вполне удалась...

Ранее роман выходил под названием «Шутка».

Наталья Андреева

Мертвым не мстят, или Шутка

Глава 1

Людочка

– Быстрее, быстрее! Шевелитесь, мальчики! – покрикивала на ребят, держащих в руках тяжелые деревянные щиты, девочка с сердитыми серыми глазами. Она была похожа на куколку, маленькая, с аккуратным носиком, с губками, формой напоминающими сердечко. Но слушались эту хрупкую на вид фарфоровую игрушку беспрекословно.

Ее одноклассницы в белых фартучках скромно стояли поодаль кружком, перешептывались и хихикали. В процесс никто из них не вмешивался: не смели. Сальниковой-то все сойдет с рук, но не всем же так повезло.

Самый высокий из мальчиков, веснушчатый, рукастый, пытался пристроить свой плакат на самый верх стены, где торчали три больших железных гвоздя.

– Да не туда, тупой! Этот будет третьим, на две ступеньки ниже, ты что, совсем ничего не соображаешь?

– Да я...

– Сейчас звонок прозвенит, – оборвала его сероглазая. – Повесили быстренько, и все разошлись за свои парты. Молчим, не улыбаемся, иначе ничего не получится.

Мальчишки засуетились и наконец пристроили тяжелые деревянные щиты на положенные места. Вернее, совсем не на те, что были выделены для них изначально. Раньше плакаты висели лесенкой, согласно смене исторических формаций, прописанной в учебнике истории: от первобытнообщинного строя, минуя рабовладельческий и капиталистический, через социализм, вперед, к коммунизму! По восходящей, как и полагается. Путь человечества наверх, к светлому будущему. Но Людочка Сальникова обожала розыгрыши. Кабинет истории всегда казался ей скучным. И она решила сделать учительнице сюрприз. Теперь «Коммунизм» оказался в самом низу, почти у пола, так что можно было пнуть его ногой, а на высшей ступени развития общества, под белоснежным потолком, вольготно расположились люди в звериных шкурах,

сидящие вокруг костра. Они прекрасно себя чувствовали, обгладывая огромные кости, и снисходительно посматривали на картинку, висящую чуть ниже, где негры-рабы, закованные в цепи, упираясь, вращали деревянный ворот. Так вам и надо!

Людочка со знанием дела принялась рассматривать плакат «Социализм», находящийся теперь как раз на уровне ее кукольного носика. «Кто не работает, тот не ест!» Как же! Людочкина мама давно уже нигде не работала, но очень хорошо и много кушала, и процесс этот обожала, поэтому каждый день со вкусом составляла для домработницы список блюд, которые надо подать к столу. Завтрак, обед и ужин. Каждому члену семьи – питание согласно возрасту, статусу и его потребностям. Диетические блюда для папы Михаила Федоровича, деликатесы для нее, мамы Серафимы Евгеньевны, а для единственной дочки Людочки детский стол, пищу, богатую витаминами и кальцием. Ребенку надо расти.

Ребенок меж тем таскал тайком из холодильника вредную для здоровья копченую колбасу, потрошил коробки с шоколадными конфетами, сваливая это на домработницу, и делал учителям разные пакости. Авторитет Людочки в школе, где она училась, был высок. Да что там! Непререкаем! Все, и учителя, и одноклассники, твердо знали: Людочке Сальниковой ничего не будет, что бы она ни натворила. Папа не допустит. Вызовет к себе в кабинет директора школы и разъяснит ему, что ребенку надо расти. А значит, проказничать и познавать окружающий мир пробуя его на зуб. Людочке даже пальчиком грозить не смели:

– Ай-яй-яй!

Ни завуч, ни директор. Вымученно улыбались и терпели. Кто ж не дорожит своей работой? И кто захочет стоять посреди кабинета провинившимся школяром и слушать нотации? Шутка ли сказать: Первый секретарь горкома! САМ! Хозяин! Михаил Федорович Сальников!

Шутка с плакатами показалась Людочке очень удачной. Весь урок она ерзала на стуле и ждала, когда же учительница заметит беспорядок на стене. Класс гудел, взбудораженные мальчишки и девчонки, пересмеиваясь, обменивались записочками. Но историчка, видимо, была поглощена другими заботами. Муж в очередной раз запил, ребенок лежал дома с температурой, а свекровь ворчала, что устала всем быть нянькой. Бедная женщина весь урок напряженно думала о том, где бы перехватить денег до зарплаты и как сбить маленькому сыну

температуру? И где найти замену свекрови? Разве маму выписать из Сибири? Сдернуть с насиженного места, пережить еще один семейный скандал...

- Итак, дети, записываем домашнее задание...

Разочарованная Людочка сразу после звонка собрала портфель и молча, с поджатыми губами, вышла из класса. Вот тут историчка напряглась: «Господи, что я Сальниковой-то сделала? К доске вроде не вызывала, в журнале у нее одни пятерки. Надо бы все проверить как следует...»

Подружки то и дело толкали всесильную Сальникову в спину:

- Может, сказать, а? Людочка? Может, сказать? А?

Но девочка упрямо качала головой:

- Пусть так висит. Не заметила - ей же хуже!

И не ошиблась. Шутка имела для учительницы истории печальные последствия. Диверсию заметила комиссия из горно, разразился скандал. Директору поставили на вид, он кричал на завуча и топал ногами:

- Что вы себе позволяете?! Это же катастрофа! Нас обоих уволят! За дискредитацию линии партии! За поклев на социализм!

Перепуганная зав учебной частью в свою очередь напустилась на хозяйку кабинета. На очередном партсобрании историчке вlepили строгий выговор с предупреждением, чуть не отобрали партийный билет, и она долго еще ходила по школе заплаканная, с красными глазами. А Людочка уже придумывала очередной розыгрыш, чтобы одноклассники посмеялись всласть...

...Уникальное чувство юмора Людочки Сальниковой, которая ни дня не могла прожить без шутки, формировалось под покровительством папы - большого начальника. Папа Сальников был номенклатурным работником и уверенно продвигался вверх по служебной лестнице, занимая с каждым годом все более высокие и важные посты. А Людочка чувствовала, как с каждым годом окружающие относятся к ней все внимательнее и осторожнее. В небольшом

провинциальном городке, где она жила и училась, все зависело от ее отца. В те времена никаких специальных школ для «особых» детей еще не существовало, по крайней мере, в провинции уж точно. Людочка Сальникова ходила в обычную, но была там на особом положении. Ведь это ее глазами глава городской администрации видел работу славного учительского коллектива в одной из школ. И он ни в коем случае не должен был усомниться в том, что школа эта самая лучшая, а педагоги в ней самые чуткие и внимательные к детям. Поэтому учителя смотрели на Людочку с опаской. Тьфу-тьфу-тьфу! Прелестный ребенок! Золото просто! И как мило шутит!

Гости, которые бывали в доме у Сальниковых, тоже смотрели на Людочку с опаской. Всех новеньких она непременно проверяла «на лимон». Насыпала в сахарницу мелкую-мелкую соль вместо сахарной пудры и подавала ее гостям. Те умилялись: какая хорошая девочка, совсем не избалованная! И помощница маме! Людочка первая посыпала солью дольку лимона, а потом, не морщась, отправляла ее в рот. Когда ничего не подозревающие гости клали такой лимон в чай или закусывали им папин коньяк, Людочка звонко смеялась. Ничего, проглотят! А привычка есть лимоны с солью осталась у нее на всю жизнь. Странно, но ей казалось, что это вкусно.

Другой Людочкиной радостью была собачка Манишка. Маленькое, злобное существо, признававшее только свою хозяйку.

– Не бойтесь, не бойтесь, она не кусается! – кричала Людочка гостям, когда белая болонка начинала прыгать вокруг них и противно тявкать. – Она же такая маленькая!

В этот момент дамам не следовало расслабляться.

Манишка и в самом деле не кусалась, но даже люди, входящие в дом Сальниковых, почти что члены семьи, ее боялись. Особенно женщины, которые при виде болонки старались спрятаться за своих мужей, а сидя на стуле, смешно поджимали ноги, становясь похожими на куриц на насесте. Людочка долго натаскивала Манишку и в конце концов своего добила. Манишка вовсе не стремилась кого-нибудь укусить, она покушалась на женские колготки. Цапнув острыми когтями за чью-нибудь нейлоновую ногу, она делалась чрезвычайно довольной. Ее ждало лакомство. А гостя, сдерживая слезы, улыбалась хозяевам:

– Ничего, ничего! Ах, какая прелестная собачка!

В те времена хорошие колготки были страшным дефицитом, да и стоили недешево. А к Сальниковым все старались одеваться как на парад. Затяжки, а тем паче швы, выглядывающие из-под юбки, были немыслимы! А ты попробуй, достань новые колготки! «Уж лучше бы не звал... Да подавись ты своей икрой!» Бывалые дамы приходили в брюках, но Манишка, изловчившись, умела оставить заметные затяжки, а то и дорожки и на штанинах. Пару визитов – и модную вещь можно было выбрасывать! Не давались вредной собачонке только джинсы, в конце концов Михаил Федорович стал ворчать:

– Что это вы ко мне в дом буржуазную заразу таскаете?

К ним теперь все женщины приходили в джинсах.

А Людочке с Манишкой за шалости никогда не попадало.

– Ребенок любит животных, это надо поощрять! – говорила мама. – Тогда он вырастет добрым и чутким!

От «чуткости» ее дочери окружающих бросало в дрожь. «Какая вредная девчонка! И чего ей не хватает?» Людочке же и в голову не приходило, что вещи, которая она портит, стоят дорого, что кто-то из-за нее может лишиться работы, а то и здоровье потерять, нажить, к примеру, гастрит. Не говоря уже о домработницах, которые менялись в семье постоянно. Одни сбегали сами, других Людочка изживала. Она делала это ради шутки, иногда просто на «слабо».

Ведь все зависело от ее папы – большого начальника, и гости терпели. И домработницы терпели. И учителя терпели. Чтобы хорошо жить, надо не выдвинуться, надо прогнуться. А значит, хвалить начальника, его выдающийся ум, прозорливость, умение руководить коллективом (ах, Федор Михайлович, дай вам бог здоровья – куда ж мы без вас), хвалить всех его домочадцев и всё, чем он владеет. Вот все в городе и хвалили взхлеб машину Сальникова, его квартиру, дачу, жену, проказницу-дочку и его мерзкую белую болонку. И что бы Людочка ни делала, она слышала неизменное:

– Ах, какая прелестная девочка!

Сначала Людочка твердо знала, что все эти люди врут. Что Манишка – противная собака, злая и невоспитанная, а она, Людочка, никакая не прелестная девочка и не совершенство с кучей непризнанных пока талантов. Знала, что рисунки ее – бездарная мазня, игра на фортепиано полна ошибок, голос фальшив, а стихи, написанные в угоду маме, – посредственные. И сама она посредственность. Но посредственность умная, потому что не верит всем этим дядям и тетям. Эти дяди и тети считают, что они Людочку обольстили своими похвалами, раз ее родители довольны и сама девочка улыбается. А Людочка, улыбаясь, меняла тетям помаду в сумочках, так что, подкрашивая губы, они недоумевали, что ж за цвет получился, я такую не покупала, а дядям подавала крепкий чай в бутылках из-под коньяка. И все весело смеялись. Только отец, хохоча, спрашивал:

– Людочка, а где ж коньяк?

– Я вылила его в унитаз! – с гордостью говорила она.

– Вот проказница! – хлопал в ладоши папа.

А мужики, с усилием растягивая губы в улыбке, мысленно проклинали «прелестное дитя». «Теперь ведь на сухую придется, я бы своему уши оборвал!»

Но вслух это ни разу никто так и не произнес.

Людочке ничего не оставалось, как играть по их правилам, потому что это было приятно. Что бы она ни делала, все равно оставалась прелестной девочкой. А это гораздо приятнее, чем изо дня в день слушать нотации и рассказы о других детях, которые красивее, умнее и талантливее. В присутствии Людочки Сальниковой не смели хвалить других детей. Понятно, что самая лучшая – дочь Первого! И случилось так, что Людочка постепенно стала забывать о том, что дядям и тетям нельзя верить. «Да, я знаю...» – говорила она себе. Но что именно знает, со временем как-то забылось. Тем более папу перевели в Москву, и он вновь пошел на повышение.

И тут-то пришлось Людочке Сальниковой вспомнить перевешенные в школе плакаты. Жизнь тоже была не без чувства юмора. Только она играла не плакатами, а эпохами, то бишь историческими формациями, и не перевешивала их туда-сюда, а просто убирала со сцены. Так, деревянный щит с коммунизмом

исчез вовсе, а социализм засунули далеко-далеко на задворки, в пыльный чулан. А на самый верх, как единственно правильное, то, к чему надо стремиться, повесили гигантский плакат «Капитализм». И все эти банки, биржи, бесчисленные фирмы и фирмочки, консалтинговые компании и агентства недвижимости возникли так быстро, словно только и ждали удобного момента.

Папа Сальников, недолго думая, положил партбилет на стол. Чутье у него было звериное, он быстро понял: чтобы оставаться Первым, надо первым приватизировать то, что раньше было общественным. Его жена по-прежнему хотела вкусно кушать, а дочка заканчивала школу. И бывший коммунист пошел в народ, чтобы быть выдвинутым во власть, но уже на выборной основе. Так сказать, демократично, без принуждения. И сделал стремительную карьеру, но уже в новом качестве, реформатора.

В Людочкиной жизни ощутимых перемен не произошло, если не считать того, что она просто выросла. И кроме привычки есть лимоны с солью взяла с собой во взрослую жизнь и другую милую привычку: устраивать людям розыгрыши. Умерла белая болонка Манишка, да и импортные нейлоновые колготы перестали быть дефицитом. И если бы Людочка Сальникова знала, до чего иногда доводят милые розыгрыши, она задумалась бы о жизни всерьез.

2

– Тимка, будильник!

– Угу.

– Вставай, Тимка!

– Угу. А сама?

– Ты с краю. Немедленно вставай! Ну, Тимка!

Муж зевнул и нацелился на Людочку загадочным карим глазом. Она сразу поняла, что полупрозрачные кружева ночной сорочки не закрывают почти

ничего. Кремовые розочки, сплетенные в хитрый узор, аппетитно красуются на белой сливочной коже. Полные ножки и складочки на животе надежно спрятаны в кружевной пене, зато соблазнительная грудь в глубоком вырезе такая, что... Ах!

- Не смотри на меня так! Мы на работу опаздываем!

- Да черт с ней, с работой!

- Тимка... нет...

Он все-таки прыгнул, гибкий, сильный, смуглый. Цепко схватил Людочку за плечи, развернул лицом к себе. Его губы попробовали на вкус сладость сливочной кожи. Людочка заглянула в загадочные, почти черные глаза и почувствовала, что задыхается. Она успела только жарко прошептать:

- Будильник, Тимка... Будильник...

...В офис они с мужем пришли позже всех. Подумаешь! Могли бы и вообще не приходить, но папа Сальников настаивал на том, чтобы Людочка каждый день бывала на работе.

- Ты должна трудиться, дочь! - внушал он ей и добавлял при этом: - Не забывай, что мой рейтинг зависит и от каждого члена семьи тоже.

Рейтинг, рейтинг! Это слово было для Людочки кислее, чем лимоны с солью. Пусть бы его молодая жена поддерживала этот проклятый рейтинг, каждое утро вставая по звонку будильника и отправляясь на работу! Тащилась бы по этим пробкам, задыхалась от бензиновых паров! Так нет же! Спит, зараза гладкая, сколько влезет, спихнув маленького ребенка няне. Только и знает, что СПА-салоны, да шопинг.

Людочка не уставала удивляться, с какой ловкостью и как быстро зараза-Варька обработала папу. Не прошло и года, как умерла Серафима Евгеньевна, болевшая сахарным диабетом, но так и не научившаяся отказывать себе во вкусной еде. В итоге инсулин, но потом и он перестал помогать, мама впала в кому и вскоре умерла. Как плакал на ее похоронах папа! Года не прошло, а он взял да и

обвенчался с этой белобрысой стервой! Вы только представьте себе! Обвенчался! Да в былые времена в доме Первого секретаря горкома и слово «пасха» запрещалось произносить! Не то что праздновать! А теперь политики вип-приглашения в церковь получают! Как все меняется!

Людочка с первого взгляда на Варьку определила типичную хищницу. Акулу, прячущую два ряда острых белых зубов за приторной улыбкой. Какая там любовь! Ей нужны лишь папины деньги! Привилегии! Чтобы ехать по Рублевскому шоссе с мигалкой, презрительно глядя сквозь тонированное стекло на быдло. Ради этого Варька готова продать и тело, и душу, лишь бы на пальце был брюлик, при виде которого застонет вся Рублевка, а в гараже машина стоимостью триста тысяч евро, не меньше. Продажная тварь. Захватчица. Глядя в ледяные Варькины глаза ослепительно синего цвета, Людочка словно видела тех слащавых тетенок из своего детства, которые тянули нараспев:

– Ах, какая прелестная девочка!

Отношения с мачехой были на первый взгляд идеальными. Варвара осыпала Людочку комплиментами, в присутствии гостей нежно жала плечико, гладила по руке и с улыбкой говорила, что они прекрасно поладили. Что она нашептывала мужу за глаза в тишине огромной спальни, после жарких ласк, одному богу известно. Но дочь вскоре почувствовала, как переменялся к ней отец.

Сама Людочка давно уже поумнела. Она прекрасно понимала, чем ей грозит его новый брак. Они с Варварой почти ровесницы, три года разницы, и только. Варвара чуть старше, но, учитывая Людочкину полноту и нежелание заниматься спортом, еще неизвестно, кто выглядит моложе. Отец невольно их сравнивает и потихоньку начинает прозревать. Варвара долго шарила рукой в брачной корзине, все прикидывала и выбирала, а вытащив счастливый лотерейный билет, решила получить по нему сполна. Все до копейки, ни с кем не делясь и не вступая ни в какие благотворительные фонды. Все – себе. И она потихоньку начала плести интриги. Указывать мужу на Людочкины недостатки, главным образом, на лень.

Подтекст был понятен – все мне. Мне и моему ребенку.

Варькину жадность отмечал даже влюбленный в нее папа Сальников. Но он, бедняга, так дорожил своей репутацией, что просто разучился ходить налево.

Его первая жена тяжело и долго болела, а он даже думать не смел завести любовницу. Так прошли годы. Умеренность и воздержание. Никаких плотских радостей. И вдруг – свобода! Очень вовремя подвернулась Варвара. Получив в свое законное распоряжение ее стройное, молодое тело, ожившую античную статую, не меньше, папа Сальников стал служить белокурой нимфе с таким рвением, что позабыл про все остальное. А когда у молодой жены родился долгожданный сын, Михаил Федорович урезал Людочкины расходы настолько, что любимая дочь взвыла:

– Это нечестно! Я тоже хочу хорошо жить!

– Тогда работай, – жестко сказал отец.

Втайне Людочка надеялась, что он любит ее больше, чем Варьку. Все-таки дочь, не синеглазая красавица акула, приплывшая неизвестно из каких глубоких вод. У Варьки явно темное прошлое, надо бы в нем покопаться. И про рейтинг нельзя забывать. Откуда у политика, радеющего за многострадальное отечество, деньги на бриллианты для молодой жены, которые даже Рублевку поражают своей ценой? В гардеробе у мадам Сальниковой столько шуб, что впору открывать меховой салон! А ее горничные щеголяют в платьях от Версаче, которые хозяйка, купив по бешеной цене, так ни разу и не надела! Предпочла прислуге подарить. Скромнее быть надо, летать хотя бы бизнесом, а не на частных самолетах, да и машину для супруги выбрать, как бы это сказать поделикатнее? Как-никак, борьба с коррупцией, и не такие головы летят. Но папа Сальников только вздыхал, увидев очередную покупку жены, и произносил всего лишь одно раскатистое слово:

– Вар-вар-варра!

И все. В его устах это звучало почти как ласка. В общем, говоря языком медицины: сошел с ума от любви.

Людочка и не сомневалась, что Варвара плетет против нее интриги. Нашептывает ночью мужу на ушко, что дочка-де уже взрослая, пора ее отправить на вольные хлеба. Хватит у отца на шее сидеть.

Но Людочка знала, что папа ее любит, из списка членов семьи депутата Госдумы Михаила Федоровича Сальникова ее, родную дочь, исключить невозможно. И из

завещания тоже. И кормить ее папа просто обязан. Раньше надо было думать! Растил, как принцессу, позволял бездельничать до двадцати пяти лет, оплачивал наряды от-кутюр и заграничные вояжи, пусть сам теперь и выкручивается.

И папа Сальников выкрутился. Он купил дочери туристическую фирму и заставил ее самостоятельно зарабатывать деньги.

Туристическую, потому что до этого момента главным занятием Людочки кроме ногтей, которые она обожала красить, были путешествия по заграницам. Рассказать о тамошних отелях, бассейнах, ресторанах и барах она могла не по картинкам и не понаслышке, а руководствуясь собственным опытом и впечатлениями. Красочно и с подробностями. И посоветовать, где лучше и выгоднее отдыхать, могла тоже. А уж кричать на сотрудников, топтать ножкой и грозить расправой, – это у Людочки было в крови. От папы Сальникова. Она родилась начальником и даже не представляла, что с людьми можно разговаривать и по-другому.

Такая работа Людочке даже нравилась. Если бы еще не надо было так рано вставать! И мчаться сломя голову в гараж за машиной, чтобы в офис приехать хотя бы к полудню. Город с раннего утра стоял в пробках, а в метро она бы не спустилась даже под страхом смертной казни. Она, конечно, слышала, что метро в Москве есть. Но ей всегда казалось, что это синоним ада. Или ад на Земле. Там лишь невыносимые страдания и как итог – испорченная одежда от всемирно известных брендов и отдавленные ноги.

В общем, дорога на работу была пыткой. Людочка даже не представляла себе, что придет день, и она будет делать это с удовольствием: вскакивать по звонку будильника, наспех пить кофе, мчаться в гараж за машиной, томиться в пробках. Все – с улыбкой. В предвкушении. Вплоть до того дня, когда человек, во имя которого совершается сей ежедневный подвиг, не проснется в ее постели.

Одним прекрасным солнечным утром, а точнее, в полдень – раньше Людмила Михайловна собеседований не назначала – в ее белоснежном, евроотремонтированном офисе появился Тимур Муратов. Он пришел устраиваться на работу.

В первый момент Сальникова лишь тихонько вздохнула:

– Это самое прекрасное, что я видела в жизни!

Она даже думать не смела, что этот шедевр, сотворенный природой, может принадлежать ей. Она могла только смотреть и восхищаться. Молча. Разумеется, Тимур сразу получил работу. Они беседовали минут пять, причем говорил он, а она краснела. Хотя раньше Людочка не отличалась застенчивостью, но тут вдруг пробрало! Это была любовь с первого взгляда! Похожая на удар молнии, стремительная и испепеляющая. В один день Людочкино сердце вспыхнуло и сгорело, и возродить его из пепла мог только Тимур. Она даже заболела от любовной тоски, но исправно продолжала ходить на работу.

От мужчин-сотрудников Тимура выгодно отличали, во-первых, сдержанность, во-вторых, начитанность, в-третьих, уважительное отношение к женщине. Людочка ни разу не видела, чтобы он с кем-то заигрывал, ущипнул бы девушку за мягкое место, просто подмигнул развязно. И уж тем более не слышала, чтобы Тимур ругался матом. В присутствии женщины – никогда! Это был Бог, хоть и на службе у людей, но ни на секунду не забывавший о своем божественном происхождении.

Тимур Муратов родился где-то в степи, на безымянном полуострове, и там его мать в течение суток пыталась оправиться от преждевременных родов. Она была наполовину русской, наполовину казашкой, про отца Тимур никогда не вспоминал, скорее всего, его и не было. То есть фактически он был в момент зачатия, но сразу после этого исчез в неизвестном направлении. Во внешности Тимура, которая и в самом деле была выдающейся, в результате смешения многих кровей причудливо переплелись экзотика востока и европейская утонченность. Не обошлось и без горцев, иначе откуда бы у нищего парня взялись такая царская гордость и сановная сдержанность? Слово у орла, сидящего на вершине горы и созерцающего свои владения. У Тимура были жесткие черные волосы и миндалевидные карие глаза. Но овал лица европейский, нос прямой, без горбинки, губы литые, похожие на лук с натянутой тетивой, на высоких скулах – густой румянец, словно глубокие тени залегли, что лишь подчеркивало восточный разрез глаз. Он был тонким, гибким и очень сильным, с точными движениями и незаметной, но развитой мускулатурой. Его глаза Людочка называла загадочными.

В самом деле, что можно понять, заглянув в очи, где зрачок почти сливается с темной радужной оболочкой? Попытаться с точностью определить цвет, достигнуть дна, которое все время отступает под твоим взглядом, отчаянно

грести, чтобы выплыть, и все равно утонуть, потому что, не делая ни малейшего движения навстречу, тебя затягивает вглубь какая-то тайная, слепая сила.

Выплыть Людочка не смогла. Она влюбилась в Тимура всерьез и некоторое время молча страдала. Но папа Сальников разъяснил, что у всякого произведения искусства, даже у шедевра, есть своя цена. Его дочь оскорбилась, но все же сделала Тимуру намек, что он ей интересен. Через месяц Тимур Муратов признался Людочке в пламенной любви.

Людочка ему поверила, как верила когда-то в то, что она прелестная девочка. Сначала подыгрывая, потом всерьез, потому что игра становилась все интереснее. В самом деле, а почему бы Тимке ее не любить? Хорошо бы, конечно, сесть на диету и сбросить килограммов пять. А лучше семь. Или даже десять. Но как же кушать хочется! Особенно вечером, когда нельзя, не рекомендуется. Ну и пусть!

Хорошо бы переменить прическу. Но так жаль расставаться с каштановыми кудряшками! Как в детстве, до плеч, с челочкой. Ну и пусть! Она же Людочка. Лю-доч-ка. Прелестная девочка. Серые глазки, аккуратный маленький носик, губы сердечком. Пусть взрослеют те, у кого жизнь тяжелая. Кому не досталось ни такого отца, ни такого мужа. Потому что битву за Тимура Муратова Людочка у папы выиграла, хотя и с большим трудом.

Как ни странно, но помогла в этом ей мачеха. Такая жадина, а включить в семейный бюджет еще и Тимура не поскупилась. После роскошного ужина в загородной резиденции Сальниковых, раскинув античное тело в шезлонге возле бассейна с голубой водой и разглядев как следует жениха своей падчерицы, разгуливающего рядом в обтягивающих плавках, синеглазая акула вдруг капризно протянула:

– Ка-акой интересный мужчина! Мишунчик, вокруг тебя должно быть как можно больше красивых людей. Твой рейтинг...

Почему-то при слове «рейтинг» мачеха посмотрела на стройного смуглого красавца, точнее на то, что так выразительно было обтянуто мокрыми плавками. И выдающийся политик погрозил молодой жене пальцем:

– Вар-вар-варра!

- Людочка ведь всегда получает то, чего хочет. Он мне нравится. Берем!

- Но он же нищий, Варенька. Никто. Понимаешь? Никто.

- Пусть ведет дела ее фирмы. Авось она слезет с твоей шеи. Парень пробивной, я это чувствую.

- А ведь верно! Воз есть, нужна лошадь. Дочери пора расширяться. Берем!

И Михаил Федорович дал согласие на брак. Людочка сначала насторожилась. А не положила ли акула глаз на Тимку? Пусть не забывает про рейтинг. Когда речь идет о карьере, политики становятся весьма принципиальными. Папочка не будет разбираться, со скуки или по любви они согрешили, вытурит обоих. Но синеглазая акула была неглупа и крайне осторожна, никогда не оставалась с Тимуром наедине, если и разговаривала с ним, то на общие темы, дотронуться не пыталась, стройные ножки не демонстрировала. Да и он был сдержан, называл ее по имени-отчеству и отводил глаза, если декольте госпожи Сальниковой казалось ему слишком уж откровенным.

В общем, ни у Сальникова, ни у его дочери повода для ревности не было. Михаил Федорович страстно любил Варвару, Людочка отчаянно Тимура, к тому, что мачеха скорее лед, чем пламень, а Тимур по-восточному сдержан и чувств своих проявлять не любит, отец и дочь со временем привыкли. И в маленькой семье наступила гармония.

Людочка наслаждалась своим счастьем. Она вдруг поверила в Тимкину любовь, а поверив, поняла, что до сих пор жила не на небесах, а где-то в чистилище. В ожидании чуда. И вот врата рая открылись! Людмила Михайловна – заходите! И она вошла. Настоящий рай оказался гораздо приятнее безделья, приятнее ласкового моря, белоснежных пляжей и обжигающих коктейлей. Приятнее модных бутиков и салона бизнес-класса в авиалайнере. Рай, это был... настоящий рай, который начинается для женщины только с любимого мужчины. С его улыбки, его поцелуя, его ласковых рук...

Райские врата открывались для Людочки прямо с утра, еще в теплой, душистой постели с шелковыми простынями, где рядом с ней сладко потягивался владелец совершенного смуглого тела. Точность движений была у Тимура в

крови, он увлекался восточными единоборствами, но по воскресным дням охотно ходил с Людочкой на теннис. Среди людей ее круга это считалось модным. Играла она плохо, но там таких было много. Тимур им явно поддавался, как говорил папа Сальников, «делал карьеру». Людочке карьеру делать не требовалось, она пару сетов лениво махала ракеткой, а потом шла в душ и все остальное время просто пялилась на Тимура. Любовалась его совершенством.

«Это мое! – победно смотрела она на других женщин. – Вы слышите? Это мое! И мое НАВСЕГДА!»

Исполнив утреннюю серенаду любви и поставив в ней последний аккорд горячим поцелуем на сладких губах мужа, Людочка летела на кухню готовить Обожаемому завтрак. У господина было много титулов. Единственный, Совершенный, Неповторимый. И каждое утро он умудрялся завоевывать новый титул. Людочка даже не думала, что у нее такой богатый словарный запас.

Хозяйкой она была никудышной, но Тимур охотно проглатывал подгоревшую яичницу с беконом, запивал это крепким кофе и улыбался, никогда не допуская свет ее утренней улыбки в свои загадочные глаза:

– Спасибо, малышка. Все отлично.

«Прелестная девочка», – тут же звенел серебряный колокольчик в кудрявой Людочкиной голове.

«Пре-лест-ная, пре-лест-ная», – летели брызги воды, струя которой звонко разбивалась о фарфоровые тарелки в раковине.

«Пре-...» – хлопала дверца буфета.

«...-лестная-лестная», – подтверждал платяной шкаф, откуда Людочка брала костюм вслед за Тимуром.

Завтрак закончен, муж пошел в гараж за машиной. Счастливая Людочка быстренько подкрашивалась и причесывала каштановые кудряшки. Они опять опоздают. Ну и пусть. У них с Тимуром медовый месяц. Уже целых полгода... Год... Два...

Домработницу она уволила. Во-первых, папа Сальников урезал содержание. Во-вторых, Тимур категорически отказался от постороннего человека в доме.

- Есть ты и я. Зачем нам кто-то еще?

- Она всего лишь прислуга!

- Если ты меня любишь, ты все будешь делать сама, - твердо заявил он.

- Вот они, восточные мужчины, - сказала Людочке подружка. - Привыкай.

И она с энтузиазмом жгла яйца и бекон, ожидая, что Тимур наконец передумает. Муж говорил, что ему нравится видеть ее у плиты, и она старалась.

Другая подруга сказала ей:

- Вот они, плебеи! Возможно, его мать мыла лестничные клетки.

Что-то подобное Людочка предполагала, но спросить у небожителя не решалась. Пусть. Но он носит смокинг так, будто в нем родился. Он Бог, хоть и на службе у людей. Он божественно красив.

Почему-то Тимур не хотел детей.

- Надо немного пожить для себя, - часто слышала Людочка.

Она охотно соглашалась, потому что по-другому жить и не умела. Какие дети, когда она сама до сих пор прелестная девочка? Ей еще хочется веселиться и шутить. Есть лимоны с солью, менять помаду у сотрудниц агентства, которые, подкрашиваясь у зеркала в туалете, постоянно недоумевают: «Не мой цвет. Как я могла такое купить?» Им и в голову не приходило, что начальница таскает у них помаду и подсовывает в сумочку Ивановой то, чем красится Сидорова. Шутка такая. Что вы там сказали про личную гигиену? А нечего сифилисом болеть!

Сама Людочка была на редкость здорова. Еще бы! Хорошее питание, свободный режим, жизнь не напряжная и лучшая медицина с самого раннего детства.

Поэтому ее зрение было идеальным, зубы на загляденье, аппетит отменный, а настроение прекрасное. Всегда.

Тимур смеялся над Людочкиными шутками первым и громче всех. Она была счастлива оттого, что у мужа такое замечательное чувство юмора. Ну, в самом деле, разве не смешно в честь первого апреля взять и вытащить шарики из всех «мышей» в офисе? Людочка даже не поленилась встать ради этого пораньше и приехать на работу первой. Телефоны надрывались, компьютеры надрывно гудели, а девочки бегали по офису в поисках каких-то шариков, которые предусмотрительная Людочка спрятала в ящик своего собственного стола. Никто же не полезет к начальнице.

Самая умора была потом, когда новенькая, получив наконец свой шарик, дрожащими руками пыталась вставить его в «мышь» и чуть не плакала при этом. Девчонка работала всего второй день с испытательным сроком и очень боялась, что его не продлят. А клиент на том конце провода грозно требовал от менеджера информацию. А как ее найти в компьютере, если «мышь» не работает? Людочка стояла в дверях своего кабинета и грозно смотрела на испуганную девчонку, изо всех сил сдерживая смех.

«Мышь» для новенькой починил Тимур. При этом он тоже улыбался, но в его загадочных глазах было так темно, что Людочка впервые задумалась: о чем же ее замечательный муж думает на самом деле? Вечером в машине она спросила его:

- Правда, Тимка, было очень весело?

Он не ответил, сделал вид, что целиком сосредоточен на дороге. В тот день шел снег с дождем, весна выдалась на редкость холодной, мостовая обледенела, и на Кольцевой, где они, собственно, и застряли, случилось много аварий. Тимур осторожно вел машину, стараясь, чтобы и их не зацепили. Но Людочка не унималась и по-прежнему искала подтверждения тому, что она – прелестная девочка.

- Тимка! Тебе было весело?

- Ты же видела, что я улыбался, – неохотно сказал муж.

– Но весело тебе было или нет?

– Разумеется, малышка. У нас с тобой все в порядке.

– Ты меня любишь?

– Да. Разумеется, я тебя люблю.

Почему-то Людочке это не понравилось. Его тон, его реакция на шутку, а теперь это сдержанное молчание. Она повернулась к нему и долго вглядывалась в лицо мужа, изучала точеный профиль, прядь волос надо лбом, черную и жесткую, как в растрепанных гривах горячих степных коней, натянутый лук его губ. Непроницаемые глаза Тимура не отрывались от дороги, и Людочке вдруг сделалось страшно.

– Тимка! У нас с тобой все будет хорошо?

И тут он на мгновение обернулся и напряженно улыбнулся, словно натянул тетиву:

– Не беспокойся. Дорога скользкая, но я осторожен.

Долго беспокоиться о чем-либо Людочка не умела. Уже через два часа она вновь крутилась вокруг мужа, развалившегося в кресле перед телевизором, и напевала какую-то сочиненную ею же чепуху, первое, что приходило в голову:

– Тимка, Тимка, ты как картинка... И на тебя я долго дуться не могу... К губам прилипла белая шерстинка... И я тебя люблю.

Вот так. Не в рифму, зато правда. От души. Пушистый белый кот, пригревшийся у мужа на коленях, поднял голову и чихнул.

– У него на твои стихи тоже аллергия, – усмехнулся Тимур. – Дорогая, поэзия – это не твое. Так же, как и кулинария. У тебя на плите что-то горит.

– Подумаешь! Тоже мне: зна-то-ки! Блин! А ведь и в самом деле горит! Тимка? Ты чувствуешь? Дымом пахнет!

– Я уже понял, что надо заказывать пиццу. Подай мне телефон, будь добра.

Что бы ни случилось, муж ни разу не вышел из себя. Сколько бы Людочка его ни изводила своим неумением вести домашнее хозяйство, Тимур твердо отвечал:

– Нет. Никакой прислуги. Жизнь длинная, всякое может случиться и с тобой и со мной. Надо уметь делать все.

– Да что может случиться! Мы молоды, здоровы, богаты! Летом поедem отдыхать на Лазурный Берег! А зимой на Мальдивы. Я уже купила себе пару купальников из новой коллекции. Прелесть просто! Жизнь – это подиум! Бесконечный парад мод с бокалом шампанского в руке! Вечный кайф!

Тимур на это лишь печально улыбался. Людочка недоумевала: откуда такой пессимизм? Что за тайну он хранит в глубине своих загадочных глаз? Любое прошлое, даже самое темное, легко гасится пачкой зеленых купюр с портретами американских президентов. А будущее у них ослепительное. Безоблачное. Прекрасное!

Собственный процветающий бизнес, великолепная квартира, отличная машина, любящая жена. Ее замечательному мужу просто нечего больше желать.

3

Так прошел год, потом другой, третий... Людочка похорошела и поправилась еще на пару килограммов. Тимур ничуть не изменился, по-прежнему редко улыбался и ни разу не повысил голос на жену. Разве что одеваться стал изысканнее, теперь редкая женщина не оборачивалась ему вслед. В нем определенно что-то было, одни Людочкины подружки называли это «восточный колорит», другие более откровенно: «мужская харизма». Ей же было наплевать, как это называется, она наслаждалась единоличным «тимуровладением» и пребывала в полной уверенности, что муж ей не изменяет. На людях Тимур свою любовь не демонстрировал, но, когда они оставались наедине, Людочка получала стопроцентное ей подтверждение. У них все было хорошо, она так и говорила отцу:

– У нас все хорошо.

Тот бегло просматривал ежеквартальные отчеты и охотно с ней соглашался:

– Я рад, что мы не ошиблись в выборе.

Людочкин день рождения в феврале праздновали сначала на фирме. Закрывшись в шесть часов вечера, сотрудники коллективными усилиями быстренько накрыли шведский стол: бутерброды с осетриной и семгой, с бужениной и копченой колбасой, с икрой, огромные тарелки с фруктами, бутылки шампанского и мартини, литровые пакеты с соком. В холодильнике дожидались своей очереди два огромных кремовых торта, все знали, что начальница – сладстена. Сама Людочка в шикарном новом платье сидела в бухгалтерии, для вида листая отчеты, и ждала, когда ее позовут к столу. На ее пухлых пальчиках был свежий маникюр, весьма изысканный, на шее сверкало бриллиантовое кольцо, а на румяных губах играла улыбка. Она предвкушала праздник.

Наконец дверь робко приоткрылась:

– Людмила Михайловна, все готово.

Царственной походкой Людочка вплыла в зал. Ее муж как раз принимал поднос из рук одной из сотрудниц. Той самой новенькой, которой он когда-то помог с «мышью». Благодаря этому девица, которую Людочка мысленно называла скромницей, испытательный срок выдержала и теперь демонстрировала весьма неплохие продажи. Недавно Людочка ее похвалила, и девушка просто расцвела. Она отблагодарила начальницу, организовав празднование ее дня рождения. Это она вымыла и нарезала фрукты, а сейчас заставляла ими стол. Но тяжелый поднос отобрал Тимур.

«А он добрый», – вдруг подумала Людочка, любуясь мужем, одетым в строгий черный костюм. Как же ему идет! И фигура замечательная, и эта потрясающая отточенность движений! Она машинально огладила на талии шикарное черное платье. Какой удачный фасон: лишние килограммы почти не заметны. Да, располнела, зато все здесь куплено на ее деньги. И этот отпадный парень тоже ее собственность. Интересно, а что подарит ей папа?

Когда она заняла место во главе стола, все зааплодировали. Тимур открыл шампанское и первым сказал тост:

- За мою дорогую жену! Людочка, всегда оставайся такой же красивой, умной и веселой! Мы все тебя очень любим!

- Поздравляем!

- С днем рождения, Людмила Михайловна!

- Счастья вам и всего-всего-всего!

- Мы рады, что у нас такая замечательная начальница!

Людочка, словно красавец фрегат под всеми парусами, торжественно плыла по волнам всеобщей любви и радости, а от выпитого шампанского ее слегка раскачивало, и казалось, что корабль сейчас возьмет да и взлетит.

- А что будет, если меня не станет? - глупо улыбаясь, спросила она.

- Как же так, Людмила Михайловна?!

- Да без вас мы все погибнем!

- Вы - наше сокровище!

- Наше все!

Голоса сотрудников слились в единый хор, исполняющий оду в честь Людмилы Михайловны: «самая умная, самая добрая, самая чуткая...»

- А ты, Тимка? - прижалась она к мужу.

- Я тут же брошусь вниз с десятого этажа, - торжественно и при всех пообещал Тимур. - Я очень тебя люблю.

Он обнял Людочку и коснулся ее щеки многообещающим поцелуем. Она сладко подумала, что впереди потрясающая ночь.

А потом начались танцы, и Людочке стало еще веселее. Она искренне радовалась тому, что праздник только начинается, что завтра выходной день и в особняке у папы Сальникова будет накрыт шикарный стол, и она, Людочка, непременно получит какой-нибудь замечательный подарок...

Поздравив с днем рождения любимую дочь, папа торжественно вручил ей эффектные бриллиантовые серьги. Синеглазая акула не смогла удержаться:

- У меня, Мишунчик, между прочим, таких еще нет!

- Вар-вар-варра! - подмигнул ей муж. - Не скупись.

А потом снова были тосты и поздравления, только теперь уже в домашней обстановке, в тесном семейном кругу, и Людочка снова чувствовала, что она прелестная девочка и очень им всем нужна. Чудесный день, чудесная жизнь!

В конце февраля она неожиданно заболела. Банальной простудой, но для жизнерадостной Людочки и это было трагедией: лежать дома с температурой, страдать в одиночестве, когда абсолютно здоровый муж уходит на целый день и возвращается лишь поздно вечером с неизменным:

- Ну, как ты, малышка?

- Плохо, - капризно тянула она и весь остаток дня просила Тимку сидеть рядом, поить ее горячим чаем с медом и гладить по голове. Людочка упрекала мужа в черствости и эгоизме, а тот лишь молча улыбался и ни разу не возразил.

После болезни на Людочку накатилась депрессия. Появились непонятная ей самой раздражительность, усталость. Без нее дела на фирме шли куда лучше, потому что Тимур оказался очень грамотным руководителем. Он умел заставить людей хорошо работать, не повышая голоса и не выговаривая им за любую промашку. Людочка утешала себя тем, что ничего бы этого не было без ее денег, на готовеньком-то все могут, развиваться - не открываться. Она стала вмешиваться во все и вносила в отлаженный механизм работы своей фирмы суету и хаос

глупыми и совершенно лишними директивами. Она мучилась всем: слякотной, неприятной погодой, плохим аппетитом, непонятными желаниями. Не знала, что бы такое съесть, что надеть и что сказать. Пока Тимур не поставил диагноз:

- Это авитаминоз. Тебе надо отдохнуть.

- Не хочу, - капризничала Людочка.

- Ты стала сильно уставать после болезни. И погода плохая. Изморось, ветер. В такой слякоти очень легко промочить ноги и снова простудиться.

- Где это я могу их промочить? Пока из машины до подъезда иду, что ли?

- Все равно. Лучше тебе сидеть дома.

- Но я хочу быть с тобой.

- Хорошо, - вдруг согласился Тимур. - Только давай уедем.

- Куда?

- В горы. Ты же любишь кататься на горных лыжах?

Людочка любила все, что было модным у людей ее круга, хотя хорошей спортсменкой никогда не была. Но горные лыжи всегда считались дорогим и страшно популярным у богатых людей удовольствием, и Людочка выпросила у папы деньги на супермодное снаряжение. Тем более что Тимур был отличным спортсменом. Под его чутким руководством Людочка покоряла горные склоны, чувствуя себя в полной безопасности.

- В Швейцарию! - радостно захлопала она в ладоши. - В Швейцарию! Или во Францию! Обожаю!

- Нет, малышка, - мягко возразил Тимур. - Мы поедем к моей бабушке, на Кавказ.

Это был первый раз, когда он позвал жену в гости к своей родне. Его мать, конечно, приезжала на свадьбу, но в Москве не задержалась и к себе их не приглашала. Людочка и не стремилась, она предпочла вообще забыть о том, что у нее есть свекровь. О бабушке же Тимур никогда не упоминал, как и обо всех прочих родственниках со стороны отца. Откуда они вдруг взялись?

И удивленная Людочка согласилась. Ей стало любопытно: а вдруг Тимур приготовил сюрприз? Он же видит, как она хандрит, и решил развлечь ее чем-то необычным. В самом деле Европа уже приелась, что она там не видела? А экзотика нынче в моде. Снаряжение пришлось взять с собой. Тимур предупредил, что некогда процветающие лыжные базы находятся сейчас в упадке.

Если Людочка и видела когда-то захолустье, то это было заграничное захолустье. Модное, курортное. Уютные деревушки в горах, роскошно убранные внутри шале, со всеми удобствами, а рядом с ними куча маленьких ресторанчиков, где подавали удивительно вкусные блюда с непременно сыром. Фондю – одно из ее любимых лакомств, печеный картофель, ароматное вино. И все выглядело так мило, аккуратненько, чистенько, люди были добрыми и приветливыми оттого, что жили в достатке, сервис великолепный, трассы безопасные. Она обожала эти французские, или итальянские, неважно, деревеньки, и ожидала увидеть нечто подобное. Только с налетом экзотики.

Но на этот раз самолет еле-еле приземлился в крошечном аэропорту, и из города они очень долго ехали куда-то на такси по узкой, ужасно плохой дороге. Людочка так устала, что задремала. А когда проснулась, то поняла, что ее жестоко обманули. Окружающий пейзаж ничем не напоминал ей Швейцарские Альпы. Никаких туристов в ярких куртках Людочка не увидела, горы, стоявшие вокруг стеной, выглядели не приветливо, а скорее, грозно, погода вдруг начала портиться.

– Тимка, куда ты меня привез? – ахнула она. – Это же дыра!

– Я здесь вырос, – тихо сказал Тимур.

– Бедненький!

– Отчего же? Мама привезла меня сюда, когда мне было лет шесть. Степь – моя первая родина, а горы... Это просто горы. Пошли.

Он привел Людочку в какой-то сарай. У нее не было другого слова, чтобы как-то по-другому назвать ЭТО. Она никак не могла прийти в себя. Какое убожество! Какая нищета! И эта чужая старуха, которую обязательно надо поцеловать! А от нее, между прочим, разит чесноком!

– Фу! – тайком поморщилась Людочка.

Тимур перебрался с бабушкой несколькими словами на каком-то странном, гортанном языке. И тут же принялся хлопотать по хозяйству. В старом доме требовалось много ремонта. Людочка злилась до самой ночи: здесь она видела мужа еще меньше, чем когда лежала дома больная. Ей отвели маленькую комнатку, где не было даже телевизора, и Людочка от скуки два часа кряду красила ногти, экспериментируя с лаками различных цветов. Наконец ее позвали к ужину.

Морщинистая старуха казалась совершенно безучастной. Людочку она словно не замечала. Они с Тимуром сидели за столом, словно два восточных идола. В прекрасном лице Людочкиного мужа европейские черты словно растворились, она едва его узнавала. Загадочный, бездонноглазый. О чем он думает? Чего хочет?

– Тимка, я есть не хочу, – опять начала капризничать Людочка. Мысль о том, что придется есть из глиняных тарелок в этом ужасном доме, приводила ее в ужас. Здесь же кругом нищета и грязь! – Пойдем спать.

– Хорошо, – муж поднялся из-за стола и опять сказал несколько гортанных слов на незнакомом ей языке.

В спальне она вцепилась в Тимура:

– Что ты ей все время говоришь? Что?

– Напоминаю, что ты гостья.

- А может, надо напомнить, что я твоя жена?

- Она этого не оценит, - усмехнулся муж.

- Да? Я для нее такая плохая?

- Давай спать.

- А когда пойдем на лыжах? Завтра, да?

- Погода портится, - неохотно сказал Тимур.

- Если еще и лыж не будет! Да я с ума сойду от скуки! Немедленно хочу домой! Ты слышишь?

- Хорошо. Ты обязательно получишь то, что хочешь. Спи.

Утром голодная Людочка все-таки решилась позавтракать. «Австрия! Или Франция! - с тоской подумала она, глядя в глиняную тарелку. - Шале со всеми удобствами! Рестораны с изысканной кухней! Попалась как дура последняя! Чтоб я еще раз клюнула на экзотику!»

Горячей воды в доме не было, и она даже боялась думать о том, как и чем здесь моют посуду. Тимур вдруг исчез, оставив ее наедине с неприветливой старухой. Людочка заперлась в своей комнате и сидела напуганная, пока муж не вернулся.

- Тимка, где ты был, черт тебя возьми?!

Вместо ответа он показал ей ключи от машины:

- Вот. Арендовал за умеренную плату. Довольна?

Когда Людочка увидела старые «Жигули», она застонала от обиды:

- Да чтобы я села в эту рухлядь!

– Извини, иномарок специально для высоких гостей здесь никто не держит. Придется довольствоваться этим.

– А она поедет? – с опаской спросила Людочка.

– Помчится! Не бойся, я же с тобой, – усмехнулся Тимур и полез за руль.

Ехали они недолго. Места были красивые, тут уж ничего не скажешь, и она немного приободрилась. Но покататься на лыжах в тот день им так и не удалось. Еще несколько лыжников, которых неизвестно каким ветром занесло в это захолустье, с тоской глядели на серое небо:

– Буран будет. Интересно, надолго?

Тимур очень внимательно разглядывал пологий горный склон. Потом обнял Людочку за плечи:

– Смотри! Вот здесь здорово кататься, правда?

– Да, красиво, – согласилась она.

– Если утихнет буран, обязательно придем сюда. Очень удобный склон, даже такая лыжница, как ты, не разобьется.

– Что значит, такая как я? – обиделась Людочка. – Я замечательная лыжница!

Муж с ней никогда не спорил. Вот и сейчас она не услышала от своего Тимки ни одного резкого слова. О чем он все время думает? Непонятный, загадочный человек. Но какой же красивый!

Ночью они, обнявшись, лежали на продавленном диване в тесной комнате под теплым одеялом и слушали завывание метели. Тимур пытался рассказывать Людочке о своем детстве, но она почти не слушала. Зевала и морщилась. Угораздило же его вырасти в такой дыре! А ее угораздило сюда приехать! Нет, хватит делать глупости. Не надо ей ни его родственников, ни этих воспоминаний о прошлом. Он уже много лет живет в Москве, окончил престижный институт, работает в крупной туристической фирме. Он обитает в элитном доме, не в

мазанке, и одевается по-европейски. Ест нормальную еду, а благодаря ей ужинает в лучших московских ресторанах, пользуется всеми благами европейской цивилизации. Подумаешь, лазил когда-то в детстве по горам, стрелял каких-то там горных баранов. Или не баранов? Господи, о чем он говорит-то?

- Тимка, давай лучше ты меня поцелуешь?

- Ты не слушаешь?

- Если честно, то мне это неинтересно.

- Я никак не могу понять, что ты за человек, - вдруг тоскливо сказал муж. - Неужели кроме себя самой тебя никто и ничто в мире не интересуется?

- Что я за человек? Ну, ты, Тимка, даешь! Это что ты за человек? А я просто Людочка.

- Неужели ты не замечаешь, как к тебе относятся окружающие?

- Конечно, замечаю! Я же не виновата, что я прелесть! У меня очень легкий характер. Вот.

- Легкий?!

- Ты завидуешь, да? Мой загадочный молчун. Мой снежный барс. Мой тигр-тигрище. Ты меня съешь сейчас, да? Ой, страшно-страшно!

- Ты устала, - отстранился от нее муж.

- Я?! От этих ужасных условий - да. От любви - никогда! Хотя я согласна, что заниматься сексом в этой мазанке - убожество. Это не для меня. Я достойна лучшего. Хочу в нормальный дом и в нормальную постель. А здесь даже душа нет, поэтому я тебя не хочу. Фр-рр... Обиделся?

- Спокойной ночи.

Людочка скоро уснула, а когда открыла глаза, то увидела, как за окном ослепительно светит солнце. Куда делись вчерашние тучи? Где мелкий мокрый снег? Кра-со-та! Она вскочила с криком:

- Тимка! Где ты? Тимка! Поедем скорее кататься!

Он сидел на грязной кухне среди убогой посуды, на шатком табурете и накладывал на голень тугой эластичный бинт.

- Представляешь, полез на крышу и упал, - виновато сказал он.

- Упал? Ты?

- А что я, не человек?

В Людочкиной памяти не было ни единого воспоминания, касающегося болезни мужа. Под его смуглой кожей текла, казалось, не кровь, а живая вода. Он даже простудой не болел. Ни разу. И вот на тебе - травма ноги! Она и не подумала, что это может быть серьезно: трещина или перелом. В голове билась только одна мысль: что же я теперь буду делать?

- И что же делать? - так и спросила она.

- Ничего. Сидеть.

- И мне?! Целый день?!

- Я не могу заставить любимую жену просидеть до вечера у постели больного мужа. Любимого, надеюсь? - Тимур смотрел на Людочку очень внимательно, хотя в черные глаза по-прежнему не проникал свет.

- Да, представь себе! Но мне же скучно!

- Тогда бери лыжи и поезжай. Ключи от машины на столе. Помнишь тот склон?

- А ты не обидишься?

- По-твоему, я перед тобой виноват? Что упал с крыши?

- Да, виноват! Виноват, виноват! - радостно закричала Людочка, кидаясь к своим новеньким горным лыжам. Такое снаряжение пропадает без толку! И ботиночки замечательные! Класс! А куртка? Супер! Какая же она красotka!

Она торопливо начала одеваться. Тимур молча ждал. Она так и не поняла чего?

Уже в дверях Людочка обернулась:

- А завтра, Тимка?

- На лыжах я уж точно не смогу кататься, - усмехнулся он. - Нога болит.

- Тогда полетим домой, да? - еще больше обрадовалась Людочка. - Завтра же и полетим?

- Конечно.

- Целую! Чао!

И она выпорхнула из САРАЯ в прекрасный солнечный день. Старые «Жигули» завелись не сразу. Людочка в который раз уже мысленно прокляла и эту дыру, и ужасные условия, в которых приходится жить, пусть и временно, и патриотамужа, которого, видишь ли, потянуло в места, где прошло его замечательное в кавычках детство! Если бы они поехали в Швейцарию или в Австрию, все было бы классно. Все нормальные люди туда едут, неудивительно, что здесь, на Кавказе, туристическое хозяйство пришло в упадок. В Сочи еще хоть кто-то ездит кататься на горных лыжах. А сюда? Не слишком-то тут весело и безопасно. На лыжной базе почти никого нет, канатная дорога совсем развалилась. А на тот пологий склон надо еще как-то взобраться, чтобы потом лихо спуститься вниз. Людочка представила себя на вершине горы в красивом горнолыжном костюме, в яркой вязаной шапочке и модных очках и подобрела.

«Жигули» заглохли через три километра. До того места, которое они вчера с Тимкой облюбовали, осталось совсем немного. Людочка достала бинокль, чтобы осмотреть окрестности. Выпросила у папеньки, чтобы полюбоваться экзотикой,

мать ее! Суперская оптика, да на кой она здесь, в этой дыре?

Должны же где-то быть люди? Ей еще надо вернуться обратно! Тащиться пешком три километра?! С горными лыжами?! Люди! Помогите! Где вы?! Ага, вот они, штурмуют заснеженный склон! Вчерашняя парочка любителей горных лыж уже на самом верху, там, откуда начинается спуск. Интересно, как они туда добрались? И не пешком же сюда пришли? Подвезут или помогут починить машину.

- Эй! - замахала рукой Людочка, но вдруг поняла, что они слишком далеко. Придется подождать, пока спустятся.

Потом она отняла от глаз бинокль и вздохнула: до чего же все-таки красиво!

Горы стояли, словно невесты в церкви в ожидании венчания, укутанные сверху в густые вуали облаков, а ниже в бесчисленные складки искрящихся свадебных платьев из белого снега. Застенчивые и гордые одновременно, они сияли такой девственной красотой, что хотелось поклониться им в пояс. Голубое небо, словно купол храма, прятало где-то высоко светлый лик Бога, который помнил и видел все.

Один из лыжников поехал вниз, когда Людочка снова глянула в бинокль. И вдруг ей послышались сильные, тревожные раскаты грома. Гроза? Сейчас? В заснеженных горах? Или это огромный поток воды летит сверху, рассыпая вокруг мелкие, бесчисленные брызги?

Издалека это действительно напоминало гигантскую волну. Живая многометровая стена сокрушительной силы. Только это был поток не воды, а снега. Влажного, липкого снега. С гор стремительно сходила снежная лавина. Оба лыжника в ярких куртках были мгновенно смяты и перемолоты ею. Почти ничего не соображая от страха, Людочка отшвырнула бинокль и бросилась бежать. И тут вдруг она отчетливо вспомнила захватывающий рассказ инструктора по горным лыжам, услышанный в одном из отелей в обожаемых ею Альпах. Как можно было такое забыть!.. Буран накануне - враг номер один... Пологие белые склоны могут быть очень опасны... Одно неосторожное движение, и... Лавина - это барс в шкуре ягненка... Иногда они сходят парами...

Парами!!!

Людочке показалось, что гул стал сильнее. Первая лавина уже сошла, но бежать надо было еще быстрее. Прочь от машины, по дороге, и быстрее, быстрее! Ноги у Людочки слабели и подкашивались, дыхание сбивалось, но страх заставлял ее бежать так, как она не бегала никогда в жизни. Она вдруг захлебнулась ледяной крупой и изо всех сил забарахтала руками. Как в воде, когда тонешь, только какая же она тяжелая, эта вода! И ее все больше и больше.

Но вдруг все кончилось. Людочка стала освобождать рот и нос от снега. Можно выбраться из сугроба, руки свободны, и ноги тоже не сильно завалило. Слава богу! Какое-то время она ползла, тяжело дыша, потом с трудом, но встала на дрожащие ноги. Вот это повезло! Людочка сообразила, что вторая лавина зацепила ее только краем. Зато старые «Жигули», находившиеся метрах в пятидесяти, тяжелая масса снега засыпала и сбросила потом в пропасть вместе с ее новенькими горными лыжами.

Черт возьми!!! Папочкин обожаемый бинокль! Попробуй его теперь найти в этом снегу! И машина, и лыжи, и чудные новенькие ботиночки, и бинокль! Машина хоть чужая. Застрахована небось. А снаряжение куплено за безумные деньги, заработанные, между прочим, каторжным трудом! Да-да! Трудом! Все пропало. Тимка сам виноват, что взял напрокат машину. Да еще такую рухлядь! Виноват?! Ведь если бы она не сломалась...

Людочка вдруг с ужасом подумала, что на том горном склоне вместе с двумя погибшими лыжниками могла быть она. Должна была быть. Если бы не машина...

Ох уж этот Тимка! Это он во всем виноват! В том, что здесь нет ни горячей воды, ни элементарного душа, в том, что приходится есть из глиняных тарелок непонятную и невкусную еду, в том, что лавина сошла со склона, потревоженная неосторожными движениями любителей горных лыж. Привез ее в эту дыру! И Людочка машинально начала шарить по карманам. Мысль еще не оформилась в ее голове окончательно, она просто думала, что неплохо было бы Тимку проучить. Были бы деньги...

Деньги были. Еще в московском аэропорту Людочка засунула во внутренний карман своей яркой куртки несколько стодолларовых купюр. Папа Сальников приучил: деньги в кармане должны быть всегда, мало ли что. Сумма не крупная, но на такси должно хватить. В любое время суток. В любой конец Москвы. От кражи никто не застрахован, поэтому энную сумму надо спрятать во внутренний

карман. А в другом кармане Людочка обнаружила ключи от собственной квартиры. Конечно! В этой куртке она вышла из дома, а Тимур тогда уже спустился вниз к машине вместе со снаряжением. Квартиру запирали она, а из-за жуткого стресса про ключи забыла напрочь. Не переложила их в сумку. Эти грязь и вонь настолько выбили ее из колеи, что она разуверилась в том, что жила когда-то в нормальных условиях, в собственной квартире.

Деньги и ключи. Деньги и ключи...

И в Людочкину кудрявую головку вдруг пришла гениальная мысль. Это будет лучшая ее шутка! Любимого мужа тоже можно здорово разыграть. Пусть бедный Тимка думает, что она была там, на склоне. Пусть ее как будто накрыло лавиной. Раз он такой противный, пусть мучается, пусть страдает, ищет ее тело, а потом бросится вниз с десятого этажа, как обещал. Она вернется в Москву тайно, одна. Будет ждать его в квартире, и в самый последний момент, когда он влезет на подоконник, онакинется Тимке на шею. И спасет ему жизнь. Вот это любовь! И все будут смеяться.

Людочка пошла пешком по узкой горной дороге, увлеченная своими мыслями. Как она все здорово придумала! Она разгорячилась и покраснелась от быстрой ходьбы. Погода была отличная, мартовское солнце ярко светило. Хорошо! И весело. А какая-нибудь машина обязательно ее подберет. Это же дорога. Не в пустыне же.

Наивный ребенок даже не понимал своей глупости. Не понимал, что шутка жестокая, и что это не Альпы, и вообще не Европа, а Кавказ. Но Людочке повезло.

Это опять-таки оказались старые «Жигули», «четверка». Тимка был прав: иномарок здесь не любили. За рулем сидел мужчина, на заднем сиденье женщина. Оба русские. Людочка подняла руку, голосуя. Водитель притормозил и открыл перед ней дверцу:

– Какими судьбами? Одинокая женщина здесь, в горах? Это небезопасно.

– Гуляю, – кокетливо сказала она. – Погода уж больно хорошая.

– А мне показалось, будто лавина сошла. Я вообще-то приезжий. Командировочный. Машина арендованная. У приятеля взял.

– И сейчас куда едете?

– В город. По делам. Жену вот в больницу везу. Приболела.

– Отлично. Мне туда и надо. Не в больницу, конечно. В город. – Людочка решительно полезла в салон.

– Дорога дальняя, бензин дорогой, – внимательно посмотрел на нее водитель.

И Людочка достала из кармана одну из зеленых купюр:

– Не настолько дорогой?

– Ого! Тоже приезжая?

– Вроде того.

– Не из столицы ли?

– Оттуда! – задорно сказала она.

– Ну, тогда без проблем. Садись, рассказывай: как там?

Через минуту они уже весело болтали.

До города доехали незаметно. Настроение у Людочки было прекрасное. Она задорно хлопнула дверцей, выходя из машины, и помахала супругам рукой:

– Чао! Удачи!

«Вот и все. Без проблем. Славная будет шутка».

Глава 2

Люся

1

В городе Людочка первым делом поменяла валюту на рубли. По грабительскому курсу, но это еще сущие пустяки. Просто выяснилась одна досадная деталь, пустячок, но доставляющий массу проблем: у нее не оказалось паспорта. Администраторша в гостинице долго и внимательно разглядывала просительницу, а потом решительно отказала:

- Без документов? Нет, не могу.

И наградила Людочку выразительным взглядом: хочешь номер – плати! Без паспорта только нелегально, за взятку.

Людочка хотела было дать ей денег, но потом вдруг разозлилась: подумаешь! Сидит тут, фифа! Да знала бы ты, кто стоит перед тобой! Дочь депутата Сальникова! Не очень-то и надо! Комнату в частном секторе Людочка нашла быстро и за смешные деньги. Хозяйкой оказалась приветливая старушка, которая еще и ужином ее накормила. Людочка с удовольствием поела, на этот раз еда показалась ей вкусной. Скорый на Москву уже ушел, и надо было дожидаться следующего. Самолет она с досадой отвергла: паспорта нет. Да и на железнодорожном вокзале кассирша заартачилась.

- Документы, пожалуйста.

- Я их потеряла, – заявила Людочка.

- Поищите, – пожала плечами кассирша. – Следующий!

Людочка от досады закусила губу и хотела было устроить скандал, но крутившийся возле железнодорожных касс небритый мужик с бегающими глазами шепнул ей на ушко:

- Проблемы? Отойдем.

Она уже поняла, что все и везде решают деньги. А деньги у нее были. Так и оказалось.

- Девушка, вы в Москву? Документов нет? Могу устроить.

- Каким образом?

- Я знаю проводницу. Но придется подождать сутки. Поезд проходит здесь рано утром, он не скорый, поэтому места есть всегда.

- Я согласна, - сказала она с досадой.

Но потом подумала: пусть Тимка помучается, как следует. Он этого заслужил.

До отхода поезда оставались еще целые сутки. Людочка не знала, чем заняться. Разве что осмотром местных достопримечательностей?

Город ей не нравился. Ни одного приличного ресторана! Местный музей - отстой! Люди какие-то неприветливые. Все здания обшарпанные, улицы грязные. Дыра, одним словом. Не в кино же идти? На одинокую девушку в ярком горнолыжном костюме все обращали внимание, особенно мужчины. И Людочка впервые забеспокоилась. «Надо поскорее уносить отсюда ноги», - подумала она.

Со скуки она зашла в ближайшую парикмахерскую. А почему бы и нет? Раз она понарошку умерла, то можно и поэкспериментировать с собственной внешностью. Вот будет сюрприз для Тимки! Он уже столько раз советовал ей поменять прическу. На «что-нибудь более серьезное». Сколько можно быть девочкой? «Прелестной девочкой», - поправляла Людочка. Но сейчас ей захотелось вдруг повзрослеть.

- Вас постричь? – спросила хмурая женщина с отвратительной прической. Людочка оценила цвет ее волос и засомневалась. Но потом все же решилась:

- Да. И покороче. И покрасьте, пожалуйста.

- Как красить? – безразлично спросила парикмахерша.

- В блондинку, – неожиданно для себя сказала Людочка.

Пока ей мыли голову и щелкали ножницами, она думала о том, что погорячилась. Шутка, конечно, хорошая, но столько же из-за нее неудобств! Людочка по-прежнему не могла толком поесть, потому что всерьез опасалась за свой желудок. Старушка стряпала неплохо, но кто их знает, из чего они здесь, в этой дыре, готовят еду? Из каких продуктов?

Она сидела и смотрела, как на пол сыплются каштановые кудри. На хмурое лицо парикмахерши, отражающееся в зеркале, смотреть не хотелось.

«Почему они здесь все такие мрачные? – раздумывала Людочка. – Солнышко же светит!» А потом спохватилась: «Да ведь это ужасно, жить в такой дыре! И они это понимают! Кругом нищета! Беспросветная нищета! Как хорошо, что завтра я отсюда уеду! В Москву! Скорее в Москву!»

Другая сотрудница, администраторша и по совместительству кассирша, все время вскакивала, словно подброшенная пружиной, и ходила то за чайником, то в подсобку, то к телефону, который не звонил. Девушка была одета вызывающе во что-то яркое, обтягивающее, и фигура у нее оказалась великолепная, Людочка не могла это не отметить. Просто модель! Видимо, администраторша тоже это знала, вот и ходила по салону, как по подиуму. Но кроме Людочки смотреть на нее было некому. Такое ощущение, что все в этом городе стриглись сами, дома. На вешалке в прихожей висело унылое пальто. По улицам никто не решался разгуливать в яркой одежде.

«Мне-то это зачем? – подумала Людочка. – Ее фигура?»

- Готово, – услышала она. – Сушите.

Сидеть под горячим феном было приятно. Зато, взглянув в зеркало, Людочка чуть не закричала в голос. Это была не она. Какая-то чужая, взрослая женщина, с очень короткими и жидкими волосами, к тому же явно передержанными в перекиси водорода. Здесь даже нормальной краски не оказалось!

- Да что ж это такое?! - возмутилась она.

- А вы что хотели за такие деньги?

- Какие деньги? - Людочка впервые заглянула в прейскурант. Цены действительно смешные. Но и прическа тоже.

- Черт бы побрал вашу дыру со всеми ее парикмахерскими и дрянными ресторанами! - взвизгнула она. - У вас нет никакого понятия о том, что красиво, а что нет!

- Подумаешь, - фыркнула та, что за кассой, и бережно погладила ладонями шелковые колени. - Нормальная прическа. Но на вас не угодишь. Сразу видно: из Москвы.

- Да почему видно-то? - возмутилась Людочка.

- По лицу. Вы, москвичи, вечно всем недовольны.

- Это вы всем недовольны, - она швырнула на стол пару купюр. - Сдачи не надо.

И направилась к выходу. Ей вслед раздалось хихиканье. Да они это нарочно! Изуродовали ее всем москвичам назло!

Настроение было отвратительное. Кое-как она проскрипела до утра. А утром небритый мужик, пошептавшись с проводницей, взял у Людочки деньги и шепнул:

- Я обо всем договорился. Все будет в лучшем виде. Доедешь с комфортом.

«С комфортом» оказалось на верхней полке. И проводница тут же потребовала денег за белье и за обслуживание. Причем платить за чай в пакетиках, похожий

на помои, и жидкий кофе пришлось как в дорогом московском ресторане. Людочка сразу поняла, что ее разводят на бабки.

– Но мы с вашим другом договаривались, – заикнулась было она.

– Я не знаю, о чем вы там договаривались, – отрезала проводница. – Я своей работой рискую. У нас с людьми без документов разговор короткий – милиция разбирается.

Пришлось заплатить. Людочка уже сто раз пожалела, что не вернулась в сарай к Тимке, а придумала эту шутку с мнимой смертью под лавиной.

У нее не было ни зубной щетки, ни мыла, ни какой-нибудь еды. Даже воды. За все приходилось платить, причем бешеные деньги. А поезд не ехал, он тащился, тормозя у каждого столба, иногда даже просто в степи или в лесу. Раньше Людочка не представляла, что в мире существуют плацкартные вагоны, что еда и напитки в стоимость билета не входят и что до Москвы можно ехать больше двух суток, терпя при этом массу неудобств. Даже из другого полушария Людочка добиралась до родного города быстрее, причем с комфортом и без всяких проблем.

«Ну, Тимка, я тебе все припомню!» – думала она, в очередной раз забираясь на свою верхнюю полку. После посещения туалета у нее были рвотные позывы. Внизу расположилось говорливое семейство, завалив весь столик свертками с едой. Пахло так, что у нее в животе то и дело раздавалось голодное урчание. Она изо всех сил прижимала к животу подушку, но эти звуки невозможно было заглушить.

Наконец толстый вальяжный мужик, переодевшийся в грязном туалете в тренировочные штаны с растянутыми коленками, деликатно постучал в верхнюю полку:

– Эй, попутчица! Закусить не откажешься?

– Спасибо, я не хочу есть.

– Чего ломаешься-то? Странная ты деваха: без вещей, без кавалера. Студентка, что ли? Слезай, накормим.

– А вагон-ресторан здесь есть? – свесилась со своей полки Людочка.

– Тю! Денег, что ли, куры не клюют?

– Не-а. В туалет охота всю дорогу бегать, – подмигнула мужику такая же рыхлая вальяжная жена. Мужик называл ее Анькой.

И Людочка нехотя слезла.

– Как звать? – спросил мужик, отрезая огромный ломоть хлеба и отламывая с хрустом куриную ногу.

– Люд... мила, – она попыталась сохранить дистанцию.

– Люся, значит? Ну, давай, Люся, рубай.

Она невольно себя застеснялась: есть так жадно, да еще руками! Но голод не тетка. А она больше не Людочка. Она Люся. А Люсе можно. Немытая, нечесаная, с прической точь-в-точь как у приходящей по утрам убирать ее офис уборщицы, кто же она, как не Люся? Хорошо, не Люська. И она ела торопливо, облизывая жирные пальцы. Супруги смотрели с одобрением. Накормить голодную студентку – это святое.

– Я вас тоже чем-нибудь угощу, – пообещала она с набитым ртом.

– Угостишь. Вот пиво понесут, и угостишь, – осклабился мужик.

Пива Людочка никогда раньше не пила. Разве что в Праге или в Таллине, где культ пива. Но в бутылках или в банках? Пастеризованное? Она не понимала эту едкую горечь, этот вкус. Отрава же! Но когда мужик достал огромную воблу и стал чистить ее на газете, у Людочки слюнки потекли. И она купила у проходившего по вагону официанта четыре бутылки пива. А потом вдруг неожиданно опьянела и до самой ночи изливала душу попутчикам. О том, как любит своего замечательного мужа Тимку, как мудро и правильно руководит

туристической фирмой и как хорошо жить на этом свете. Попутчица только головой качала:

– Во заливает! Прямо писательница. Фирма, вишь, у нее! Оно и видать. Хоть бы чемоданчик какой для приличия с собой прихватила. Бизнесменша!

– Давай, Люся, еще по пивку! – подмигивал ее муж.

– Так кончилось же!

– А я сгоняю. Одна нога здесь, другая тоже здесь, ха-ха! Эх, жизнь! – И не к месту: – До чего народ довели!

Лежа потом на своей верхней полке, трезвеющая Люся услышала все, до чего конкретно довели народ. Она даже представить себе не могла, что можно жить ТАК! У нее в голове не укладывалось! Можно, оказывается, отдыхать на НАШЕМ юге! И не в Сочи, Сочи это, оказывается, роскошь, а ДИКАРЯМИ. И грезить об этом всю долгую зиму, мечтать, ждать. Ее попутчики с восторгом говорили о курице в лаваше и коньяке, который канистрами покупали на рынке у какой-то Марии. О том, что во дворе дома, где они снимали комнату, есть душ.

– Только туда, и никуда больше! – горячась, говорила Анька. – Только с душем!

В другом купе обсуждали прошедшие выборы, Люся даже услышала фамилию отца с весьма нелицеприятным эпитетом.

– Да он просто м...к!

Она покраснела и зарылась лицом в подушку. Хотелось заткнуть уши.

Это был огромный материк, которого она не знала, ее страна. Оказывается, до сих пор Людочка Сальникова жила на острове. На сказочном острове счастья. Ей и в голову не приходило, что там живут только избранные, а все остальные живут по-другому. И теперь она слушала, как это бывает по-другому. В разных концах вагона (а слышимость в плацкарте была великолепная, и люди не сдерживались, к тому же многие приняли на грудь) говорили теперь об одном и том же: как тяжело живется и что надо сделать, чтобы не стало еще хуже. Этого

хуже все отчаянно боялись, хотя, казалось бывшей Людочке, куда уж хуже?

Все эти люди жили в аду и изо всех сил цеплялись за этот ад, лишь бы только жить.

Какой-то дед, грозно стуча клюкой по полу и упорно называя олигархов аллигаторами, жаловался соседу по купе:

– Энти аллигаторы весь колхоз у нас развалили... Так их, мать твою...

– Во-во, – поддакивал сосед. – Их бы всех посадить на нашу зарплату.

– Я хари-то ихние все наперечет знаю. Как морда во весь экран – знамо: аллигатор. Отъелися на наши народные деньги.

– Правильно, папаша, говоришь. На консервы бы пустить все это крокодилье племя.

– Собаки сдохнут с этих консервов, – оглушительно сморкался дед в огромный клетчатый платок. – Всех их надо расстрелять.

– Во-во! Как в Китае, проворовался – к стенке!

«Папу бы сюда, – усмехалась Люся. – Вот где ему надо общаться со своими избирателями. Одна ночь в плацкартном вагоне – и можно посыпать голову пеплом. От стыда. Хотя нет. Все он прекрасно знает. Потому и летает в частном самолете, в крайнем случае, бизнес-классом. Иначе порвут на части. На мелкие клочки».

Мужик на нижней полке прямо под ней вслух читал журнал с красивыми картинками. Люся сквозь дрему слышала, как он комментирует прочитанное:

– Вот, Анька, слышь? На даче у известного певца собака съела птенца павлина. А? Называется «Происшествие на даче». Помнишь, прошлый год наш Тарзан соседского петуха придушил? Тоже было: происшествие! На всю улицу ор! Так оно понятно: без петуха куры нестись не будут. А без павлина что? Они будто бы и петь не могут.

- И нехай, - отмахнулась Анька. - Пуцай развлекаются! Тебе жалко, что ли?

- Нет, за каким хреном им павлин?

- А за каким хреном тебе водка?

- Ну, ты сказала! От водки я, может, человеком себя чувствую!

- А они, може, ее только с павлином хлещут.

- Как это с павлином?

- Посмотрят, как он перед окошком разгуливает, хвост распушив - и хлоп стакан. Може, два.

- А без павлина?

- Без павлина, може, не лезет.

- Дура, - хрюкнул мужик.

- Алкаш, - беззлобно ответила Анька.

И ее муж в который уж раз стучал костяшкой указательного пальца в верхнюю полку:

- Соседка! Эй, соседка, водки хочешь?

- Нет, - отмахнулась Люся.

- Что, студенты нынче водку не пьют? Эх-ма, вырождается народ! Что с державой-то будет? Бери нас теперь голыми руками.

- Ты, Люся, не слушай его, - щелкала мужа в лоб вальяжная толстая Анька: - И-и-и, алкаш! Развезло тебя, дурачина! А нам бы с тобой, Люська, чайку.

Но она уже дремала, сытая, с разливающимся из желудка по всему телу теплом, и все мысли вертелись вокруг проклятого павлина. Ты подумай, засело в мозгу! В самом деле, что за беда: у кого-то на даче павлина съели?..

2

Из поезда Люся вышла, похожая на зачуханную провинциалку. Весь московский лоск с нее сошел, настроение было соответствующее. Она сама себя не узнавала. К ней тут же кинулся носильщик, но, увидев, что она без вещей, отстал. Грязная, уставшая, одуревшая от дороги, которой, казалось, не будет конца, Люся брела по перрону, думая лишь об одном: поскорей бы до дома добраться. До горячей ванны с ароматной пеной.

«Я так жить не хочу, – думала она, взяв первое попавшееся такси на вокзале. – Я не могу так. Не выдержу. Это не для меня. Все эти люди из моего вагона – инопланетяне! Или это я – инопланетянка? Поскорее домой и забыть обо всем!»

Про свою глупую шутку со смертью, про парикмахерскую, про поезд. Забыть и оказаться наконец в Тимкиных объятьях! Покаяться и вымолить прощение. И вернуться к своей обычной жизни. Только теперь она поняла, как прекрасна ее жизнь! Как замечательна!

Соседка, повстречавшаяся возле подъезда, оглядела ее подозрительно. Пробурчала что-то под нос, мол, ходят тут всякие бомжи, и брезгливо посторонилась. Люся чуть не рассмеялась: ее не узнали! Бывает же такое! Потом она увидела себя со стороны глазами соседки, одетой в шикарный полушубок из вязаной норки, и горько усмехнулась: да, дочь депутата Сальникова в таком виде признать трудно. Яркое мартовское солнце слепит глаза, пришлось надеть темные очки, дешевые, купленные в киоске на железнодорожном вокзале, потому что горнолыжные она потеряла, пока бежала от лавины. Прическа, как у уборщицы, под ногтями грязь, шея невытая. Какая она теперь Людочка Сальникова, по мужу Муратова? Неужели и Тимка ее не узнает?

Она долго давила на кнопку электрического звонка, пока не поняла, что муж еще не вернулся. Может, уже бросился вниз с десятого этажа? Или решил

остаться в горах и оплакивать ее вечно? Сердце сжалось от тоски в крошечный комочек. Но сильнее всего оказалась все-таки усталость. Она даже ванну не в состоянии была набрать. Открыла дверь и, проковыляв по длинному коридору вместе с сумкой, прямо в ботинках, ввалилась в спальню.

«Полежу полчаса, приду в себя, приму ванну, и начну искать Тимку», – решила Люся, упав прямо в верхней одежде на чистое покрывало. И уже лежа, начала стаскивать с себя куртку. От переживаний ее трясло. Надо успокоиться.

«Полчаса, всего полчаса», – подумала она, засыпая...

Проснулась она, скорее почувствовав, чем услышав, как повернулся ключ в замочной скважине. Любимый муж вернулся! Единственный! Обожаемый! Неповторимый! Вернулся ее Бог, который и ей поможет вновь стать Богиней! Она замерла на мгновение, предвкушая страстные объятия, слезы, торопливые поцелуи... Какая глупая получилась шутка! Так захотелось заплакать и броситься ему шею! Слава богу, что он жив, ее Тимка!

– Заходи, – услышала вдруг она.

Ноги в момент одеревенели. Она уже вставала, но, услышав этот голос, замерла:

– Ой, темно!

– Не надо, не зажигай свет!

– Но почему?

– Тише. Потом.

И звуки, которые ни с чем нельзя спутать, торопливых страстных поцелуев. Она никак не могла понять: голос его, любимого мужа, но почему ее Тимка целует другую женщину?! А та еще смеет говорить:

– Наконец-то! Как я соскучилась! Я тебя так ждала!

– Я тоже скучал. Сильно, малыш. Безумно...

- Тогда идем в спальню?

Она сжалась в комок. Что сейчас будет! Надо устроить скандал, порвать их на клочки! Людочка так бы и поступила. Но Люся... С ней что-то случилось, она потеряла уверенность в себе. Предстать перед ними в таком виде, да еще устроить скандал? Немыслимо! Сначала в ванную, в пену...

Слава богу, помог Тимка:

- Нет, не здесь. Я не могу здесь, понимаешь?

- Понимаю.

- Тут везде ОНА. Ты получила мою телеграмму?

- Конечно. Господи, почему же так долго? Я думала, ты вернешься гораздо раньше.

- Марина, тело так и не нашли...

Конечно, Марина, кто же еще? У Людочки словно глаза открылись! Она вспомнила, как Тимка выхватил из рук у новенькой тяжелый поднос с фруктами. Это была отнюдь не доброта. Другое чувство. Так заботятся о любимой женщине. Когда же они успели? Пока жена лежала дома с простудой? Нет, раньше. Похоже, все началось с самого первого дня, с тех пор, как Тимка починил ее «мышь». Взаимная симпатия, которая переросла в настоящее чувство, в любовь.

- Ну и что, что ее не нашли?

- Мне надо было изображать убитого горем мужа. Я же не мог тебе в телеграмме написать, что убил ее.

- Убил?! Как так: убил?!

- Ты поймешь, я знаю. У меня не было выхода. Я мечтал об этом давно, с тех пор, как понял, что такое моя жена. Самовлюбленная эгоистка. Теперь ее больше нет, и я сам это устроил. Хочешь, расскажу о том, как я притворился, что подвернул ногу и специально послал ее одну к лавине? Повезло мне.

- Почему повезло?

- Я там вырос. Все лавины знаю наперечет. А тут самая лавиноопасная погода: накануне буран, потом солнце. Снег тяжелый, влажный. Когда я был маленьким, в этом месте погиб мой лучший друг. Самый коварный склон. Я его ненавижу, но на этот раз он мне помог.

- А если бы не получилось? Что бы ты делал?

- Не знаю. Я повез ее туда, чтобы убить. Обрато она бы все равно не вернулась. Я с ней больше не мог жить. Чудовище просто! Измучила меня своей любовью! Я ее ненавидел! Я пытался накануне с ней поговорить, понять, увидеть в ней человека, но... Не смог. А я был готов оставить ей все, хотя вложил в фирму душу. Меня бы устроил просто развод, я знал, что Сальников меня в порошок сотрет и при разводе я ничего не получу. Я был готов пожертвовать карьерой, всем, лишь бы быть с тобой. Но потом подумал: почему бы нет? Она это заслужила. Ее все ненавидели.

- Тимур!

- Ты добрая, я знаю. Не надо на меня так смотреть. Ведь она сама туда поехала. Сама, понимаешь? Слава богу, нам с тобой повезло. Мне не пришлось сбрасывать ее в пропасть или душить. Она, как-никак, женщина. Хоть и тварь. А тут... Несчастный случай. И все. Мне очень хотелось поскорее сесть в самолет! Но надо было держать марку. По легенде, я ее безумно любил.

- Пойдем в спальню, Тимочка. Ты устал. Тебе прилечь надо.

Она опять сжалась в комок. Господи, на ее маленьком острове счастья и так почти не осталось кислорода! Дышать нечем. Зачем они здесь? Неужели же сейчас придут сюда?!

- Только не туда. Марина, не надо. Ты что, не понимаешь?!

- Чего я не понимаю?

- Тут все ее. Ради этого я столько мучился! Ради ее квартиры, денег, фирмы, но теперь я все это ненавижу. Не стоило оно того. Я альфонс. А теперь еще и убийца. Я и себя ненавижу. Мне надо как-то пережить этот день. И... не здесь. Поедем куда-нибудь. Хотя бы в гостиницу. А лучше к тебе. Мне надо прийти в себя.

- Мои родители уехали. К родственникам в гости.

- Здорово! Когда вернутся?

- Завтра.

- Опять повезло. Одного дня мне хватит. Я соберусь с силами, и... В общем, поехали!

Люся услышала, как повернулся ключ в замочной скважине, и наконец наступила тишина. Поздно: от маленького острова счастья не осталось и следа. Его затопило, он исчез с карты Земли. Что теперь делать? Надо выбрасываться на материк, благо, что он уже открыт. Туда, где живут все остальные люди.

Какое-то время она сидела неподвижно, без света и, казалось, без воздуха, оглушенная и почти слепая, и постепенно начинала прозревать. Слова мужа ее оглушили, но теперь все выстроилось в стройную картину, сознание прояснилось. Тимка хотел ее убить! И он бы это обязательно сделал! Если бы она в тот день, когда сошла лавина, к нему вернулась, муж стал бы ее душить, сталкивать в пропасть, топить. Он ясно выразился: я повез жену в горы, чтобы убить. Но почему? Что она Тимке сделала?!

«Прелестная девочка!» - проскрипела огромная кровать, когда Люся встала с нее и сделала первый шаг к двери.

- Вы врете! - крикнула она. - Вы все постоянно врете!!!

Муж выразился вполне конкретно: эта тварь. Она, Люся – тварь. Ненавистная жена.

Неужели все ее ненавидят? Абсолютно все? С Мариной понятно, она любовница мужа. Но остальные?

Она решила проверить, насколько прав Тимур. Выяснить наконец всю правду. Всех своих врагов. Чтобы знать потом, кому мстить. Поэтому она поправила покрывало на кровати, вытерла тряпкой грязные следы на полу, саму тряпку аккуратно положила на прежнее место, к входной двери. Она помнила, что где-то в спальне есть записка, маленький тайничок от мужа. Деньги, спрятанные ему же на подарок ко дню рождения. Подальше, чтобы случайно не потратить. Она ведь транжира. Была. Денег немного, но на первое время хватит. Тимка же так хотел, чтобы она умерла! Вот пусть и думает, что это случилось. Людочки Сальниковой больше нет.

Мертвым мстить обидчикам проще, их ведь никто не берет в расчет. Она решила, что выгоднее пока оставаться мертвой.

Из вещей она ничего не взяла. Надела куртку, в которой приехала, те же ботинки и взяла лишь деньги, о которых Тимур не знал. Да еще ключи от квартиры бывшей сокурсницы, своей подружки, той самой, что назвала ее мужа плебеем (о, как она была права!). Подружка недавно уехала в длительную командировку за границу и просила присматривать за квартирой, это сейчас оказалось как нельзя кстати. Есть время, чтобы как следует подумать обо всем. К объяснению с любимым мужем Люся сейчас не готова. План мести еще не созрел.

...Несколько дней она находилась в состоянии глубокого стресса, сначала плакала, потом просто лежала с сухими глазами, ничего не ела и не выходила из квартиры. Она чувствовала, как стремительно худеет, а заодно и стареет. На гладком прежде личике появились морщинки, но ее это мало волновало. Она и в самом деле любила Тимура. И была уверена, что эта любовь взаимная. А он сказал: тварь. И еще: ее ненавидели все. Ее, это Людочку Сальникову, прелестную девочку.

Наконец она не выдержала и позвонила домой. Нет, не любимому мужу, а папе Сальникову. Трубку взяла синеглазая акула.

«Меня же нет», – вспомнила Люся и вдруг спросила:

– А Людочку можно позвать к телефону?

Она очень надеялась, что голос узнают и начнутся ахи и вздохи. «Какая радость, моя дорогая, что ты жива!»

– Милая, вы куда звоните? – холодно спросила мачеха.

– Ей домой, – растерялась она.

– Это мой дом, – подчеркнула синеглазая акула. – Вы, должно быть, не в курсе. Институтская подруга, да?

– Что-то вроде того.

– Тогда можете завтра прийти на похороны.

– Как на похороны? – растерялась Люся.

– Мы решили предать земле символический прах моей падчерицы. Тело еще не нашли, а моему супругу нужна показательная пиар-акция. Его рейтинг падает, а народ наш, как известно, жалостливый. Мы решили обнародовать факт трагической гибели его дочери именно сейчас.

– Какая еще акция? Какой пиар? – она совсем растерялась.

– Ваша подруга каталась на горных лыжах и попала в лавину. Несчастный случай. Ее тело, должно быть, вмерзло в ледник. Или лежит где-нибудь на дне глубокой пропасти. Спасатели решили поиски больше не продолжать. Дорого. А мы люди небогатые. Ха-ха! Решили экономить народные деньги. Так что завтра милости прошу. На похороны. В час дня.

– А где...

– Рядом с ее матерью. На...

Она так испугалась, что, не дослушав, бросила трубку. Какие еще похороны?! Понятно, что акуле не терпится от нее избавиться, но папа! Неужели он так легко сдался?! Почему?!!

...Следующий день оказался для нее настоящим кошмаром. Задумано было следующее: дождаться на кладбище, когда урну якобы с ее прахом будут опускать в могилу, выйти вперед и громко сказать:

- Вот она я.

И конец шутке. Папа Сальников счастлив, подчиненные тоже, Тимка... Этот пусть убирается обратно в грязную лужу, из которой его вытащили. С любовью можно справиться на берегу ласкового моря, в шикарном отеле, где загорелый мачо приносит к белоснежному шезлонгу обжигающие коктейли. В таком случае все очень быстро проходит. Тимур Муратов не единственный красивый мужчина на белом свете. Можно обойтись вообще без мужа, если жить в свое удовольствие, не думать о деньгах и до старости оставаться прелестной девочкой. Она согласна на все, лишь бы вернуться в прежнюю жизнь, на свой остров счастья. Для избранных. Довольно бедности. Эта прическа, так же, как и эта жизнь, никуда не годятся.

Но случилось ужасное. Измученное существо, притащившееся на кладбище, изможденное, изуродованное крайне неудачной стрижкой, уже не было Людочкой Муратовой. К тому же солнце светило слишком ярко, а глаза так сильно болели, что снова пришлось надеть дешевые солнцезащитные очки. И никто ее не узнал, хотя Люся и не пыталась спрятаться. Она стояла и ждала: вот сейчас кошмар закончится. Папа узнает ее, закричит от радости и кинется обнимать.

Синеглазая акула все обставила должным образом. Скорбящий отец – это же так человечно! Так трогательно! На кладбище было полно журналистов. Люди должны почувствовать, что он свой, родной, такой же, как и все они, уязвимый. Человек, стоящий возле свежей могилы единственной дочери, не способен думать о том, как набить за счет государственной казны свои собственные карманы. Он страдает, он плачет. И его молодая жена тоже в черном, держит кружевной платочек у скорбных синих глаз. Она страдает. Любимому мужу плохо. В семье Сальниковых глубокий траур. Саму героиню никто не замечал. Все смотрели на свежую могилу.

По лицу мачехи Люся читала: как удачно все получилось! Назревает громкий коррупционный скандал, но кто теперь посмеет бросить камень в скорбящего отца? Люся стояла так близко, что услышала, что именно сказала мачеха отцу в тот момент, как оркестр заиграл траурный марш:

- Ну, слава тебе, избавились!

Она замерла, ожидая, что ответит папа. От его слов зависело все. Но он молчал. А синеглазая акула не унималась:

- Она бы так и тянула из тебя деньги. На фирму, работу которой сама же и разваливала, на дорогие тряпки, на побрякушки. Или выкинула бы такое, что ославила бы нас на всю страну. Взбалмошная, глупая, никчемная девчонка!

И тут он наконец сказал свое слово:

- Потихе, Варя. Как-никак, кладбище. А в целом ты права.

Люся все поняла. Жена молода, ей еще рожать и рожать. Есть уже долгожданный сын, возможно, скоро появится на свет и другой. А там и дочка. У депутата Сальникова будет большая счастливая семья. А первая дочка и впрямь получилась неудачная. Балованная. Эгоистка.

- Эгоистка, - услышала она уже с другой стороны.

Бывшие подчиненные обступили Тимура. Сотрудники туристической фирмы старались держаться вместе. Ближе всех к нему стояла, разумеется, Марина. Она, кстати, была единственной, кто плакал. Но как же Люся ее ненавидела! Она еще смеет оплакивать Людочку Муратову! Тварь! Воровка! Украла мужа! И ревет она от страха: а вдруг выяснится, что он убийца? И правильно, что ревет! Пусть боятся! Она их всех разоблачит!

Остальные же просто отработывали номер. Атракцион «похороны начальницы». Люся видела, как потом за воротами кладбища они откровенно радовались. Она шла следом, не чувствуя, что ноги промокают, а кто-то из сотрудников ее фирмы, не стесняясь, говорил:

- Теперь и работать нормально можно.
- Тише ты! - пытались его одернуть другие. - Помолчи!
- Дома отпразднуем. То есть в офисе.
- Мужики, это лучшие поминки в моей жизни! Давно так не радовался!
- Т-с-с! Тише!
- А что? Если откровенно, то ее шуточки давно меня достали.

И вдруг та, которая не раз умильно, виляя хвостиком, говорила, что без начальницы все они погибнут, высказалась еще откровеннее:

- Как здорово все-таки, что она умерла! Просто класс! Вот повезло, так повезло!
- А чего стесняться? - поддержали ее остальные. - Ей ведь все покупал папаша. Сама-то она ничего не умела. Только орать и ногами топать. Одно слово: Сальникова!
- Да чтоб они все сдохли, эти Сальниковы!

...Она так и осталась стоять на автобусной остановке. Все разъехались на машинах, а ее никто не позвал. Подумали, что пришла институтская подруга покойной, сама как-нибудь доберется, нечего ей слушать, как народ радуется.

Важно уселся в свой лимузин отец, рядом с ним счастливая Варька. Поняв, что ничего интересного больше не будет, повалили с кладбища журналисты. Люся опомнилась и хотела было бежать к ним с криком:

- Э-э-э! Постойте! Это я! Я здесь!

Но ноги словно примерзли к земле. Это был шок. Не нашлось ни одного человека, который почувствовал, что со смертью Людочки Сальниковой из его жизни что-то ушло. Что ее смерть - это потеря. Напротив, все сказали: как

классно, что ее больше нет! Вот счастье-то привалило! Она им всем, оказывается, только мешала. Ее никто не любил. Даже папа. Вот тебе и узнала правду!

«А у кого-то на даче павлина съели», – горько подумала она, залезая вслед за старушкой в черном платке в грязный рейсовый автобус.

Впервые пришлось задуматься о том, что такси – это безумно дорого, и придется все-таки потихоньку обживать неизвестный материк, открытый в поезде дальнего следования бывшей Людочкой Сальниковой. Материк под названием Россия, а в ее конкретном случае, Москва. Враждебный город, который не верит ни слезам, ни даже, как выяснилось, пролитой крови. И который придется завоевывать заново. Потому что от маленького острова счастья, на котором раньше жила Людочка Сальникова, совсем ничего не осталось. И воздух там вдруг разом взял да и закончился.

3

Первые ее поступки оказались детскими, хотя она и не была больше прелестной девочкой. «Я им всем докажу!» Но она так мало знала о городе, в котором жила, о людях, вообще о жизни, что была уверена: стоит только ей захотеть... Об этом говорилось во всех любимых ею фильмах и прочитанных книгах, жизнеутверждающих, об этом кричали глянцево-журналы, желтая пресса: о победителях, которым принадлежит мир. Главное, захотеть, и всего добьешься. А она всерьез считала себя победительницей.

«Вот стану звездой, и тогда они все узнают!»

Оставалось определиться с карьерой: где именно ее делать? Людмила Муратова была уверена, что таких, как она, ждут везде. Итак, проанализируем ситуацию.

Сначала она задала себе вопрос: «Неужели же все так безнадежно плохо? Ведь кто-то меня любил? Хотя бы не ненавидел, как все остальные». С Тимкой все понятно. Этот альфонс сразу положил глаз на фирму, в которую устроился на работу, и стал обольщать ее владелицу. Он потому и домработницу не нанимал,

чтобы не было свидетеля, лишней пары глаз и ушей. Убийство было задумано давно, оставалось дожидаться удобного случая. Не умерла бы жена в горах – подложил бы ей в ванну включенный фен или устроил короткое замыкание. Он же умный. Предприимчивый. Лживый. Картинка сложилась.

Подружки? С этими тоже все понятно, дочка депутата – ходовой товар. Вечно со своими просьбами, а точнее, с просьбами родителей, которые засылали отпрысков к младшей Сальниковой, со льстивыми комплиментами. На похороны пришли порисоваться, как же! Столько прессы! Это единственное, что их занимало, никто даже не всплакнул. Стервы!

Отец? Влюбленный болван! Седина в бороду – бес в ребро, вот как это называется! Варька из него веревки вьет! Тоже стерва! Вот кто главный виновник! Вот кого надо наказать! Отсюда ноги растут, из Варькиной жадности!

Но остальные? Что она им сделала? Относилась вроде бы нормально, зарплату вовремя платила. Никого не кинула, увольняла только за серьезные проступки. Разве что не замечала их, относилась как к мебели. А как иначе?

Ее родители относились к людям точно так же. И она, Люся, бывшая Людочка, прелестная девочка, разве не добрая? Она ведь никогда не испытывала к людям ненависти, не гадила им откровенно (розыгрыши не считаются), она их просто не замечала. Кто замечает обслугу? Официанта в ресторане, швейцара в гардеробе, портье в отеле? Это же мебель! Чаевые дали – и будьте довольны! Главное, вовремя платить по счетам, и все будут тебя любить, вот что она усвоила с раннего детства.

Она уже сто раз пожалела, что придумала глупую шутку со смертью под лавиной. Надо было как-то иначе. Без потерь, по крайней мере, столь ощутимых. Без двух ночей в плацкартном вагоне на верхней полке, без потери волос, и вообще имиджа, без переезда в другую квартиру, где все чужое. Но теперь обратной дороги нет. Пьесу «чудесное воскрешение Людмилы Сальниковой» надо доиграть до конца. Муратовой она больше не будет никогда. Фамилию обязательно надо сменить. Будь он проклят, Тимур!

Надо во что бы то ни стало доказать, что она, Людмила Сальникова, и сама собой что-то представляет. Без всесильного папы. Вернуться с триумфом, что называется, на коне. Пусть все они поймут, как были неправы. Как ошибались в

ней. Она не эгоистка и не тунеядка. И уж конечно, не дурочка. Ха-ха! У нее есть диплом о высшем образовании и опыт руководства крупной туристической фирмой. И вообще она умница и красавица, пре... Хватит! Только не это!

Она твердо знала: все Золушки рано или поздно становятся принцессами. Надо только взять в руки метлу, махнуть ею пару раз, а дальше уже остается ждать добрую фею. Награда непременно последует. Значит, ей, Люсе, надо только определиться с карьерой и найти себе достойную работу. Каких-нибудь пару лет – и она миллионерша! Звезда! Она на первых полосах глянца – преуспевающая бизнес-леди Людмила Сальникова, журналисты наперебой берут у нее интервью, Варька истекает слюной от зависти, отец рыдает от счастья. Вот так дочка! Не посрамила!

Всего лишь надо найти подходящий объект для применения своих талантов. Говорили, их у нее много, и все – блестящие! А дальше уже все пойдет как по маслу: блестящая карьера, огромная зарплата, предложение партнерства и как итог – собственная фирма. Не купленная на папины деньги, а заработанная честным трудом. Прекрасный принц тоже будет весьма кстати. Красивый, богатый, владелец роскошной машины и загородного особняка. А может, даже самолета и яхты. Пусть Тимка не думает что он – нечто особенное. Вон их сколько ходит по улице, этих мужчин! Она заполучит лучшего! Она всегда получает все самое лучшее!

Мужчины по улицам действительно ходили. А лучше сказать, проходили от машин до дверей офисов и ресторанов. И были среди них и владельцы дорогих авто, и хозяева крупных фирм, и обладатели загородных особняков. Но Люся с удивлением поняла, что они ее не замечают. Их взгляды были обращены куда-то внутрь себя, а в толпу людей они смотрели, словно в зеркало. И видели только себя, свои успехи, свои бесчисленные достоинства. Видели зависть и наслаждались этим. Они успешны, а все остальные – быдло. И она, Люся, теперь стала быдлом. Потому что она была по ту сторону стекла, а все, что осталось там, в зазеркалье, этих мужчин совершенно не интересовало. В целом же смотреть на них было противно. И спать с ними действительно можно только за деньги, они не умеют любить, ибо любить – это значит отдавать. А они умеют только брать, а точнее, хапать. А нахапавшись, пресыщаются и начинают унижать женщин, отдавших им молодость, родивших им детей.

Люся готова была и на это: получить все через мужчину. Иногда ей хотелось крикнуть:

– Эй! Вот она, я! Я на все готова и на все согласна! Берите меня!

Ее всегда называли хорошенькой, и она надеялась, что хоть это правда. Потому что зеркало подтверждало: да, хороша. Но оказалось, что ее время давно прошло, по улицам ходили восемнадцатилетние красотки с ногами от ушей, их было столько, что у мужчин глаза разбегались. Москва напоминала кремовый торт с обилием сливочного крема, женской красотой можно было объесться, проведя на улицах и в бесчисленных кафешках всего один день. Женщины демонстрировали свои прелести столь откровенно и так открыто предлагали себя, что мужчины не торопились с выбором. Даже у тех, что чуть покрасивее обезьяны, была завышенная самооценка, наличие товара явно превышало спрос. И товар, надо сказать, был отменного качества.

Без папы Сальникова, без денег, без своей туристической фирмы Люся оказалась никому не нужна. Загнанная кляча, которой место на живодерне, как она может выдержать конкуренцию с молодым мясом, ежедневно прибывающим на московские вокзалы в безумных количествах? От отчаяния она почти ничего не ела и в итоге похудела на десять килограммов! По утрам она старалась не смотреть в зеркало. Кожа повисла, под глазами залегли синие тени. Если раньше она выглядела моложе своих двадцати восьми, то теперь казалась лет на пять старше. А кому интересна тридцатилетняя женщина с ужасной стрижкой и в ужасной одежде? Время до приезда однокурсницы стремительно сокращалось. Надо было или срочно искать себе жилье и работу, или признаваться той во всем. Но как признаться? Предстать в таком виде перед подругой, только что вернувшейся из Европы? Чтобы услышать: «Ах ты бедненькая!»

Таких слов ей еще никто не говорил. Ни у одного человека в мире пока не было повода жалеть Людочку Сальникову. Еще чего! Это она их всех пожалеет. Потом. А сейчас надо выкручиваться.

Пришлось всерьез заняться поисками работы. И тут возникла главная проблема: у нее нет никаких документов. Вот тогда бывшая Людочка Сальникова и узнала, что такое человек без бумажки. И что на слово в этом городе давно никто никому не верит, да хоть мамой клянись, все равно врешь, если это документально не подтверждено. Даже если диплом есть, не факт, что он подлинный. Нужны рекомендации. Свидетели.

Паспорт она все-таки купила. На вокзале, за последние деньги. С пропиской в деревне Грязищи где-то под Тамбовом. Люся даже представить себе раньше не могла, что такая существует! Фотографию в паспорте переклеили наспех, в грязной забегаловке у того же вокзала, и у Люси появился первый документ. И по странному совпадению он тоже был на имя Людмилы. Хоть и не Сальниковой, и не Муратовой, и не того года рождения. Она стала на три года старше, и чувствовала себя соответственно. Она враз повзрослела, ей и в самом деле перевалило за тридцать, и к ней теперь обращались «женщина». Найти работу оказалось большой проблемой. Даже не хорошую, а любую. Без диплома, без знакомств, с пропиской в деревне Грязищи.

В первом офисе, куда Люся зашла, над ней откровенно посмеялись:

– Что-что вы закончили?

– Факультет менеджмента и маркетинга. У меня большой опыт работы в крупной туристической фирме. Я объездила весь мир.

– А где это написано? Загранпаспорт у вас есть?

– Нет. Он... Срок действия закончился! – нашлась она.

– И вы его что, выкинули?

– Потеряла, – она опустила глаза, поняв, что сказала глупость.

– Женщина, хватит мне голову морочить. У нас серьезная фирма, у меня сегодня поток. Куча людей записана на собеседование.

– Да я объездила всю Европу! Я все модные курорты наперечет знаю! Я была в Америке! И даже в Африке!

– И как там львы? Не кусаются?

– Вы мне не верите?! Я знаю компьютер и всю оргтехнику. Я хорошо говорю по-английски. Хотите?

– Поговорить? По-английски? Женщина, вы удивительная нахалка. Приехали откуда-то из деревни, у вас кроме паспорта нет никаких документов, даже аттестата о среднем образовании. Нет трудовой, вообще никаких рекомендаций. Столицу решили покорить? С такими-то данными? Да у вас на лице написано восемь классов образования и ни копейкой больше! Если бы вы честно это сказали, мы взяли бы вас уборщицей.

– Кем?!

– Уборщицей. А так... Извините, но нам люди деньги приносят. Вы всех клиентов распугаете. А врать нехорошо. Людмила, как вас там? Сергеевна? Прописанная в деревне Грязищи Тамбовской области. Х-м-м... А что, правда такая есть?

– Не знаю.

– Ха-ха.

– Ну, хотите, я вам правду расскажу?

– Хочу.

– Я умерла. Понарошку. Муж послал меня кататься на лыжах. Горных. А там лавина. Я решила над ним пошутить и вернулась в Москву одна. А меня здесь уже решили похоронить. У мужа любовница. И я решила к нему не возвращаться. Возьмите меня на работу. На самом деле мой отец – депутат. И я несколько лет руководила крупной туристической фирмой. Я была ее хозяйкой.

– Ха-ха-ха!

– Что в этом смешного?!

Ее собеседник вытер выступившие на глазах слезы:

– Рассмешили вы меня, Людмила... как вас? Сергеевна? Милая, попробуйте романы писать. Вторая история гораздо лучше первой. И насчет отца вы хорошо придумали. Депутат – самое то! Во! – он показал ей большой палец. Потом опустил его вниз, как на гладиаторских боях: смерть. – Убирайтесь.

- Да что же это такое! А ну-ка, пустите меня за компьютер! Я вам сейчас покажу!

- Ну, уж нет! - проворно вскочил ее визави. - Не трогать! Вы тут дров наломаете, а с меня начальство спросит!

- Ничего я не наломаю! Я умею, слышите вы?!

- Бумажку покажите. А так, откуда я знаю, чему там, в деревне Грязищи, в школе учат? Может, вы по клавиатуре молотком ударяете, а на системный блок сковородку с яичницей ставите?

- Иди ты... - разгорячилась Люся. Она даже представить себе не могла, что будут такие проблемы! У нее, владелицы туристической фирмы! Грозной начальницы, без которой все должно было вмиг развалиться! - Козел!

В ней говорила дочь депутата Сальникова, не так-то просто было вытравить старую закваску.

- Вот. Это уже ближе к истине. Узнаю: деревня Грязищи.

- Дались вам эти Грязищи!

- Совет хотите, Людмила, ха-ха-ха, Сергеевна?

- Еще чего!

- Нравится мне ваш апломб. Другие приходят тихие, как мышки.

Интеллигентный разговор, хорошие манеры, глазки в пол. Все-таки на работу устраиваются. А вы себя ведете как хозяйка жизни. Никакой работы вы, конечно, здесь не получите. А совет... Если с написанием романа не получится, попробуйте податься на Тверскую.

- Что?!

- Не пойдет? Шлюхой быть не желаете? Хотя... - он с сомнением оглядел ее фигуру, висящую на ней, как мешок, одежду. Пришлось ведь подружку

носить. Люся и сама понимала, как убого она выглядит в костюме с чужого плеча. И тут получила сполна. – Вид у тебя не товарный. Разве что в подворотню, к некондиции. Может, кто и польстится, из жалости.

– На себя посмотри. Жиртрест.

Это в ней говорила Людочка Сальникова, и сдержаться она не могла совершенно напрасно. Ну, хлопнула дверь. Свежий ветер в лицо. Хорошо! Но есть-то что-то надо? Деньги стремительно таяли, да и о квартире надо подумать.

В другой фирме она была гораздо терпеливее. Но собеседование все равно не прошла. Чтобы она там ни умела, как бы красиво ни говорила, но другие претендентки имели дипломы, рекомендации и гораздо презентабельнее выглядели, а это решало все. Надо было чем-то доказать и свое высшее образование, и опыт работы. Она злилась, но вдруг вспомнила себя в роли работодателя. Вспомнила и неожиданно покраснела. Как она себя вела! Ничуть не корректнее того толстяка, который все время высмеивал деревню Грязищи!

Судьба возвращала ей собственные промахи. Что сама делала, то и получи. Круг замкнулся. Первый круг в ее жизни. Она даже представить себе не могла, сколько их еще будет, таких кругов.

Потом была еще одна фирма, и еще. Она старательно выписывала из газет объявления о работе, а потом звонила и целый день ходила по указанным адресам. А время, отведенное ей, сокращалось. Еще месяц, и квартиру подруги придется освободить.

Что же делать?

...Она брела по улице, увлеченная внезапно пришедшей в голову мыслью. Ярко освещенный проспект, толпа народа. Почему же именно здесь, среди людей, так остро чувствуется одиночество? До нее никому нет дела. Совсем никому. Упав на мостовую – все равнодушно перешагнут через неподвижно лежащее тело и пойдут по своим делам. Одним конкурентом меньше. Москва не резиновая, все правильно. Впервые она задумалась о словах, которые сама произносила не раз. Этот город был жесток к проигравшим, но стать в нем победителем в одиночку невозможно. Он расправляется с одиночками, словно с отбившимися от стаи ранеными животными. Джунгли, вот что это такое. Каменные джунгли.

Ей было одиноко. Новая жизнь оказалась совсем не похожа на сказку. Добрые феи давно уже поняли, что на всех Золушек их все равно не хватит, на свете нет столько чудес, сколько им требуется, переселились на волшебный остров и стали делать подарки друг другу. И на свете воцарилось зло. Потому что никто никому больше не верит. Ни в одном офисе не верили, что Люся говорит правду. Ее слова никто не мог подтвердить. Люди брали на работу преимущественно своих знакомых или через знакомых, в крайнем случае, с хорошим дипломом и солидным стажем. Связи решали все, а слова... Это только слова. Все вокруг врал, по телевизору врал, и в книгах, как оказалось, врал. Одного желания стать победителем мало. А что надо-то? Этого она не знала.

Отчаявшись, она решила устроиться официанткой в какой-нибудь ресторан. Раз обязательно надо взять в руки метлу, она это сделает. Но даже эту метлу получить оказалось не так-то просто. Только в четвертом ресторане владелец посмотрел на нее благосклонно. И предложил... место посудомойки.

- Двести баксов в месяц. Сутки через двое.

- Мыть посуду?! Мне?!

- А кто ты такая?

- Я - женщина, - гордо ответила бывшая Людочка. Прелестная девочка с каштановыми кудряшками.

- Да ну? Впрочем, похожа. Все вроде на месте. М-да... Руки-ноги задирать умеешь?

- Что?!

- Моему приятелю девочка нужна в кордебалет. Громко сказано, а на деле простое виляние задницей. И голые сиськи показывать. Чтоб публика мужского пола как следует завелась. Здесь без этого обходятся, а у дружка заведение покруче будет. У меня перед ним должок. Пошлю ему телку - обрадуется. Главное, чтоб на все была готова. Ну, ты меня понимаешь, - он оглядел ее масляными глазками и подмигнул: - Так что?

– Нет, не умею, – с сожалением сказала Люся. – Я танцами никогда не занималась. И насчет остального... Нет, я не готова. На все, – тихо добавила она.

– Тогда забудь о том, что ты женщина.

– Может, официанткой?

– Официанткой? Тебя? – хозяин ресторанчика с сомнением оглядел ее лицо и фигуру. – Да у меня такие девочки работают! Закачаешься! А твое место на кухне. И то скажи спасибо, что я не обращаю внимания на твою прописку.

– А при чем здесь прописка, когда я только посуду буду мыть?

– Милая, ты где живешь? Кого проверяющие за задницу схватят, тебя или меня? Милиция на порог – ты за порог. Поняла?

– Нет.

– Думаешь, я не разбираюсь, какая ксива настоящая, а какая поддельная? В оранжерее тебя выращивали, что ли? И учти: не вздумай что-нибудь украсть. Я таких, как ты, знаю. И посуду бы мыть не доверил, только мне сегодня другую искать некогда. Эта сучка сбежала, хотя мне ее сюда приятель прислал. По знакомству. Верь после этого людям! Так что считай, что тебе повезло. Двести баксов в месяц и харчи. Но не увлекайся. А то буду вычитать из зарплаты.

У него и в мыслях не было, что тетка не согласится. Она же поняла, что деваться некуда. Решила, что все это временно. Вот узнают, какая она, Люся, замечательная, талантливая, предприимчивая, и предложат что-нибудь другое. Не может быть, чтобы ее не оценили.

Но, увы, ценить ее, собственно, было некому. Особенно в таком виде, с жидкими сожженными перекисью волосами, в растянутом свитере, поверх которого повязан грязный фартук, за горой сальной посуды. Эти тарелки снились ей во сне. Каторжная работа. Легко сказать: сутки через двое. А как их выдержать, эти сутки? Сколько же в них часов! После смены все были не просто усталые, а убитые. И пили водку, чтобы забыться. Харчи, обещанные хозяином в качестве бонуса, оказались закусками, невостребованными клиентами. Задеревеневшая

колбаса, такой же сыр, сморщенная, посиневшая картошка в пластмассовой коробочке и горка салата, заправленного жидким майонезом. Ресторанчик был дешевый, и публика в нем подозрительная. Забегали, чтобы наспех перекусить, выпить кружку-другую разбавленного пива. Может, барменам и официанткам и перепало что-то посытнее и повкуснее, типа мяса, но Люся довольствовалась тем, что ей оставляли. Безвкусной, потерявшей всякую ценность даже для таких клиентов едой. И она поняла главное: каждый сам за себя. А за сытный кусок надо бороться. Должно быть, папа Сальников так и делал, а его семья принимала это как должное.

Почему же он дочку не научил так манипулировать людьми, чтобы не мыть самой грязные тарелки, а руководить теми, кто моет? Как взобраться на вершину социальной лестницы, не по трупам же, в самом деле?

Как она теперь понимала и отца, и синеглазую акулу! Да покусись кто-нибудь на часть заработанных ею баксов, Люся бы его просто разорвала! А месяц меж тем подходил к концу. И все яснее она понимала, что это не выход. Что лучшего здесь ей не светит, а жить где-то надо. Она все больше превращалась в убитую жизнью клячу и не видела никакой возможности скинуть с себя лягушачью кожу. Пусть под ней пряталась даже сама Василиса Премудрая, но кто об этом знал? Ей не давали ни малейшего шанса, да что там! Просто не замечали!

– Эй, Люська! Чего ты там копаешься? Шевелись, корова!

«Будь ты проклят, Тимка!» – думала она, обдавая кипятком ненавистные тарелки. Как же ей хотелось вернуться в тот день, когда сошла лавина, на дорогу, по которой она столь опрометчиво отправилась в город, а не к мужу! Она могла бы измениться, сделать так, чтобы Тимка ее полюбил, и вернуть назад и свою квартиру, и машину, и деньги папы Сальникова. Ведь это же все ее, черт возьми!

Дошло до того, что она начала понимать Тимку.

«Если он все это пережил, если приехал в Москву таким же, как я сейчас, нищим, всеми презираемым, о, как я его понимаю! Это был его шанс, жениться на богатой дурочке, и он его не упустил! Молодец! Но он красавец, к тому же мужчина. Мужчинам проще. А мне... Мне даже некому себя предложить!»

Силы кончились, и она пошла к дому, где еще пару месяцев назад жила вместе с мужем. Как же хотелось воскреснуть! Черт с ней, с гордостью.

...Конечно, он подъехал на машине. На ее машине. Вышел элегантный, стройный, до умопомрачения красивый, весь наполненный звенящей силой, словно кувшин ледяной ключевой водой. Сделав из него один лишь глоток, женщины словно обжигались, ударяло в голову крепче, чем вино. Она стояла как зачарованная. И это ее муж?! Все еще ее, потому что официально они не в разводе. Он ведь считается вдовцом. Но на деле по-прежнему ее собственность.

«Я понимаю, почему в него влюбилась. Он какой-то... особенный. И по-прежнему очень красивый. Даже еще лучше стал!»

Она наблюдала, как муж подошел к правой передней дверце, открыл ее и подал руку сидевшей там девушке, помогая ей выйти из машины. Опять эта Марина! Улыбается, и какая же счастливая! Еще бы! Тимка от нее просто глаз не отрывает!

Люся была ошеломлена: да он же ее любит! Марину! Причем безумно! Никогда Тимур не смотрел на жену такими глазами! Да как можно было этого не замечать?!

С ней он был удивительно спокоен! Это спокойствие может означать что угодно: терпение, смирение со своей участью, ожидание, но никак не любовь. Любовь – это мука, страдание, потому что всегда есть боязнь потерять любимого человека, что означает конец. Неминуемую смерть. Он боялся оставить Марину одну хотя бы на секунду, все время пытался до нее дотронуться, словно проверял: существует ли она, не исчезла ли, не покинула ли его? А как он на нее смотрел! Теперь его глаза были теплыми, в них горел огонь, но лишь для того, чтобы ее согреть.

А как он смотрел на нее, Любочку? Как на добычу, участь которой была решена. Он ее заранее приговорил, вот что это был за взгляд!

Почему же она раньше этого не замечала?! Да потому что была увлечена лишь одним человеком: собой. А ведь Тимур пытался ей это объяснить.

Ее взгляд упал на витрину соседнего киоска, и там отразилось то, чем она сейчас стала: тетка с распухшими от тяжелой работы руками, в грязных туфлях, ужасной одежде, с неопрятными сальными волосами. Ей даже некогда было помыть голову! Падала, как убитая, приходя с работы, а потом сутки отсыпалась! А они такие молодые и красивые, Тимур и Марина! Отличная пара!

Она вовсе не восхищалась ими и не собиралась подарить им счастье. Тем более отдать все то, что принадлежит ей. Каждый сам за себя. А это ее квартира и ее машина. Ее муж, в конце концов. Она просто сравнивала эту Марину и женщину, отразившуюся в витрине, и поняла, что не хочет, чтобы Тимка увидел их рядом. Ведь он может подумать: я был прав в своем выборе. Мало того, что моя жена – избалованная эгоистка, она еще и неряха. Осталась без денег отца и опустилась вконец.

А ей так не хотелось, чтобы он оказался прав! Не стоило все это затевать, чтобы явиться перед ним грязной посудомойкой!

Ну, уж нет! Не дождетесь! Она машинально сделала шаг назад. А потом поняла, что не стоит прятаться. Они ее не узнали. Да и немисливо было узнать в этой избитой жизнью тетке очаровательную Людочку Сальникову, порхающую по жизни бабочку.

Они прошли мимо, причем оба на нее посмотрели. И даже, кажется, застеснялись своего счастья. Красивые, занятые только собой. И тут она поняла, в чем ее сила. Теперь они никого и ничего вокруг не видят. Они уязвимы. Счастье всегда уязвимо, почему о нем и молчат. Оно без кулаков, и его легко побить. Она чуть не рассмеялась. Получишь ты у меня свое, Тимка!

Хлопнула тяжелая подъездная дверь. Она расхотела воскресать. В другой раз и при других обстоятельствах. Еще будет повод испортить им праздник. К черту правила! Честным путем в этой жизни ничего не добьешься. Кто верит в сказки, тот живет и умирает в нищете. А она этого не хочет. Ни за что. Надо просто как следует подумать. И решение найдется.

И как привычный припев ко всем ее несчастьям, вертелось в голове: «А у кого-то на даче павлина съели...»

Последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, стал магазин, куда она заскочила купить чего-нибудь сладенького. С десертами в забегаловке, где она работала, оказалась напряженка, короче, их просто не было. А от салатов с майонезом и синюшной картошки уже тошнило. Эти покойники на рынке общественного питания ее не могли воскресить, добавить ей сил, чтобы с энтузиазмом мыть отвратительную, испачканную кетчупом посуду.

Она стояла у витрины со сладкими соблазнами, истекая слюной, и прикидывала насчет пастилы в шоколаде, четыре штуки взять или пять, а стоящий перед ней пузатый мужик в модном плаще покупал шоколадные конфеты:

– Это у вас что? «Белочка»? Такая же, как раньше? Двести граммов. Чего там сто, – это уже стоящей рядом девице в мини, – не распробуешь. А это «Трюфели»? Двести граммов. «Стратосфера»? Двести. Рядом что? С орехами? Двести. «Ассорти»? Двести...

Люся уже изнывала от нетерпения. Мало того, что слюнки текли, мужик все никак не унимался, а продавщица с энтузиазмом наваливала конфеты в пакет, словно не замечая других покупателей. Услышав сумму, которую она назвала, Люся мысленно взвыла. Треть ее зарплаты! Да чтоб у него и его девки задницы слиплись от этих конфет! Буржуи чертовы!

Когда мужик наконец отошел, она тихо сказала:

– А мне пастилы в шоколаде четыре штуки. Нет, пять. Гулять, так гулять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.me/ru/natalya-andreeva/mertvym-ne-mstyat-ili-shutka>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)